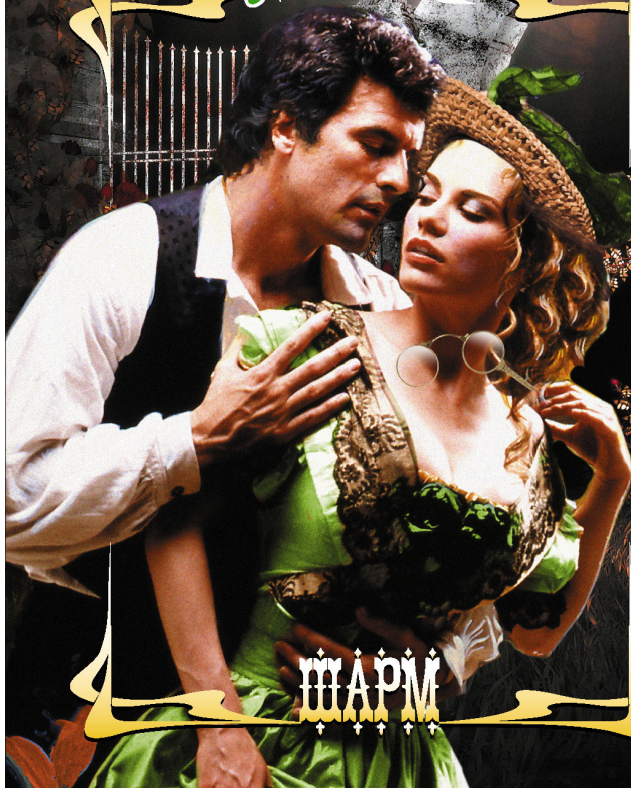

АМАНДА КВИК

Сладкая Месть

ШАРМ

Аманда Квик
Сладкая месть
Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63085788
Сладкая месть : [роман] / Аманда Квик: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-112244-7

Аннотация

План Саймона Траэрна, графа Блэйда, идеален: представиться пылким и поэтичным романтиком, безумно влюбить в себя старую деву двадцати четырех лет от роду Эмили Фарингдон, жениться на ней и хладнокровно использовать ее приданое и чувства, чтобы отомстить ее семье, разорившей когда-то его отца и лишившей его самого фамильного имения.

Однако безжалостный мститель плохо знает Эмили – умную, практичную и далеко не наивную особу, успешно управляющую всеми семейными финансовыми делами. Граф, несомненно, тронул ее сердце, но любовь к нему совсем не мешает Эмили вести собственную игру, в которой Саймону предназначено стать не охотником, а добычей...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	54
Глава 4	77
Глава 5	106
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Аманда Квик

Сладкая месть

Глава 1

Он сделает дочь Фарингдона орудием своей мести и вернет себе все, что принадлежало ему по праву рождения. Этот план созрел у него несколько месяцев назад. С помощью нее, он отомстит всему семейству Фарингдонов и в первую очередь Бродерику – главному виновнику того, что случилось двадцать три года назад.

Саймон ТраэРН, граф Блэйд, остановил коня посреди рощицы вязов и посмотрел сквозь спутанные голые ветви на великолепный дом. Двадцать три года граф не был в Сент-Клер-Холле, и сейчас дом предстал тяжелому взору Саймона таким же, каким запомнился ему в тот день.

В слабых лучах зимнего солнца каменные стены казались высеченными из холодного серого мрамора. Этот загородный особняк поражал благородным изяществом. Он не имел ничего общего с громоздкой эклектикой, образчиками каковой нередко являлись поместья аристократов. Построенный строго в палладианском стиле, столь распространенном в прошлом веке, он олицетворял суровое достоинство.

Здание не было особенно массивным, зато в каждой его

линии — от высоких внушительных окон до просторных ступеней, ведущих к парадной двери, — присутствовала безупречная, хотя и несколько холодноватая элегантность.

Сам дом не изменился, а вот окружающий ландшафт узнавался с трудом. Где строгая чередка зеленых газонов с мраморными чашами классических фонтанов?.. Вместо них появились клумбы и рабатки. Великое множество цветов. Кто-то явно страстно увлекался их разведением.

Даже среди зимы они заметно смягчали облик дома. А весной и летом его холодные стены, наверное, возносятся к небу из яркого буйства цветов, выющихся виноградных лоз и причудливо подстриженных зеленых изгородей.

Какая нелепость! Этот дом никогда не был приветливым. И ему совершенно не пристало окружение романтических розариев и дурацких изгородей. Саймон догадывался, кто виновник столь возмутительного пейзажа.

Гнедой нетерпеливо переступал. Граф рассеянно потрепал коня затылком в кожаную перчатку рукой.

— Теперь уже недолго, Лапсанг, — тихо проговорил он, натягивая поводья. — Скоро я вышвырну вон всех фарингдонских ублюдков. Настанет мой час!

И орудием мести станет дочь.

О нет, мисс Эмили Фарингдон вовсе не была юной девой. Ей уже исполнилось двадцать четыре, и, если верить леди Гиллингем — хозяйке дома, где он гостил, — девушка прекрасно понимала, что у нее почти нет шансов на удачное за-

мужество. Саймону туманно намекнули на какой-то скандал в прошлом молодой леди, скандал, не оставивший никакой надежды на достойную партию.

И это обстоятельство оказалось очень кстати для его плана.

Графу вдруг пришло в голову, что нравы Ост-Индии, где он прожил столько лет, сильно изменили его образ мыслей и рассуждает он уже не как англичанин. Не случайно друзья и знакомые часто обвиняли его в излишней загадочности и скрытности.

И возможно, справедливо. Даже месть в его представлении не была чем-то простым и открытым – она представляла собой целое действо, требующее скрупулезной продуманности и тщательной подготовки. По восточным обычаям, месть требовала расправы не только с самим врагом, но и со всем его семейством.

Честный английский джентльмен благородного происхождения и в мыслях не допустил бы сделать невинную молодую девушку орудием своей мести.

В любом случае, если слухи справедливы, леди не так уж и невинна.

Когда Саймон мчался обратно к дому, где гостил, он ощущал в душе холодное удовлетворение. После двадцати трех лет ожидания он наконец-то отомстит и вернет себе Сент-Клер-Холл.

Эмили Фарингдон знала, что влюбилась. Правда, она никогда не встречалась с героем своего романа, но это совсем не помешало ей всецело отдаться романтическому чувству. По письмам мистера Траэрна она поняла: с этим человеком у них духовная общность высшего порядка. Он был образцом мужчины – вдохновенный, утонченный, с ярким интеллектом и сильным характером. Словом, само совершенство.

Но какое несчастье: возможностей когда-нибудь встретиться с ним – не говоря уже о романтических отношениях – было ничтожно меньше, чем шансов на выигрыш в любой азартной игре.

Эмили вздохнула, нацепила очки в серебряной оправе и выбрала письмо Саймона Траэрна из пачки конвертов, газет и журналов утренней почты. За последние месяцы она стала безошибочно узнавать четкий изящный почерк Траэрна и его необычную печатку в виде головы дракона. Из-за обширной переписки и огромного количества подписных изданий на ее письменном столе красного дерева всегда лежали целые кипы бумаг, но письма от Саймона Траэрна она находила сразу.

Эмили всегда очень осторожно распечатывала конверт ножом для бумаг, дабы не повредить печать. Каждая деталь посланий Траэрна для нее была очень важной и достойной вечного хранения в особой шкатулке, купленной по этому случаю.

Она аккуратно вскрывала печать из красного воска, когда

дверь отворилась и в библиотеку неторопливо вошел ее брат.

– Доброе утро, Эм. Ты, как всегда, усердно трудишься. И как только тебе хватает терпения?

Чарлз Фарингдон чмокнул сестру в щеку и грациозно опустился в кресло напротив широкого письменного стола. Небрежно закинув ногу на ногу, он беспечно и обворожительно улыбнулся.

– Не представляю, что бы мы все делали, если бы не твоя приверженность к этой противной деловой переписке.

Эмили неохотно положила письмо Саймона Траэрна на стол и накрыла его последним номером «Журнала для джентльменов». Письма Траэрна – ее личное дело, а потому не следовало открыто оставлять их на столе, где они могли вызвать чей-нибудь случайный интерес.

– Ты, кажется, в прекрасном настроении, – заметила непринужденно девушка. – Полагаю, уже оправился от разочарования последних проигрышей и собираешься снова вернуться в город?

Эмили всматривалась в своего красивого брата через круглые стеклышки очков, испытывая привычное смешанное чувство раздражения и душевной привязанности. Она любила Чарлза, равно как и его близнеца Девлина и своего отца, бонвивана и светского льва. Но нельзя было отрицать, что некоторая безответственность, и даже безрассудность, в поведении мужчин Фарингдонов порой чрезвычайно утомляла. Их красавицу мать, умершую шесть лет назад, часто

огорчали подобные фамильные черты.

Эмили не могла не признать: за исключением ее самой, Фарингдоны были красивой семейкой.

Вот и в это утро в костюме для верховой езды Чарлз, как всегда, был неотразим: куртка от Уэстона – Эмили только что оплатила за нее счет, – безупречна, покрой бриджей выгодно подчеркивает его прекрасную фигуру, а сапоги начищены до зеркального блеска, так что в них можно смотреться.

Высокий блондин, с волосами, отливающими на солнце золотом, и глазами, голубыми как летнее небо, Чарлз выглядел истинным представителем рода Фарингдон. Вдобавок к чертам юного Адониса он обладал еще и собственным неповторимым шармом.

– Да, оправился, – бодро заверил ее брат. – Через пару минут уезжаю в Лондон. Отличный день для прогулки верхом. Если у тебя есть какие-нибудь поручения для Давенпорта, с удовольствием передам их. Собираюсь обогнать почтовую карету по дороге в город – я даже заключил пари с Пирсоном!

Эмили покачала головой:

– Нет, сегодня для мистера Давенпорта у меня поручений нет. Разве что на следующей неделе, когда мои корреспонденты в Эссексе и Кенте сообщат о видах на летний урожай бобов и я приму кое-какие решения.

Чарлз пренебрежительно наморщил точеный нос:

– Бобы... И как ты только можешь заниматься такой чепухой, как выращивание бобов? Это же жуткая рутина!

– Полагаю, не большая, чем производство железа, добыча угля и урожай зерновых, – парировала она. – Меня весьма удивляет, что ты сам перестал интересоваться подобными делами. Все, чем ты наслаждаешься в жизни, – от твоих шикарных сапог до прекрасного жеребца, которого ты купил в прошлом месяце, – результат внимательного отношения к столь скучным вещам, как выращивание бобов.

Чарлз улыбнулся и, подняв руки вверх, встал:

– Прошу тебя, хватит читать мораль, Эм. Пожалуй, это еще тоскливее, чем бобы. Кстати сказать, новый жеребец действительно прекрасное животное. Отец помог выбрать его на аукционе «Таттерсоллз», и не тебе мне объяснять, какой у отца глаз на породу.

– Да, но это очень дорогой жеребец, братец.

– Считаю мою покупку вложением капитала. – Чарлз еще раз легко поцеловал ее в щеку. – Ну, раз для Давенпорта новостей нет, я пойду. Увидимся, когда мне вновь придет охота размяться после карточной игры.

Эмили улыбнулась ему с затаенной грустью:

– Передавай привет папе и Девлину. Мне даже захотелось поехать с тобой в Лондон.

– Глупости. Ты же говоришь, что чувствуешь себя лучше всего здесь, в деревне, где всегда есть чем заняться. – Чарлз направился к двери. – Сегодня четверг. У тебя собрание

литературного общества, не так ли? Ты ведь не можешь его пропустить?

– Да, пожалуй. До свидания, Чарлз.

– До свидания, сестрица.

Эмили подождала, пока дверь библиотеки закроется за братом, и лишь тогда подняла «Журнал для джентльменов» с письма Траэрна. Она улыбнулась от удовольствия, приступая к чтению написанных изящным почерком строк:

«Моя дорогая мисс Фарингдон!

Боюсь, письмо покажется Вам очень коротким, но смею надеяться, Вы простите мне мою спешку, когда узнаете причину. А причина в том, что очень скоро я приеду в ваши края. Собираюсь погостить в загородном доме лорда Гиллингема, который, насколько я понимаю, живет по соседству с Вами. Не сочтите за излишнюю назойливость, если выражу надежду на то, что Вы предоставите мне возможность познакомиться с Вами лично во время моего пребывания...»

Эмили оцепенела – Саймон Траэрн приезжает в Литл-Дипингтон!

Она не могла поверить своим глазам. С колотящимся от волнения сердцем схватила письмо и перечитала первые строки.

Да, так оно и есть. Он собирается гостить у Гиллингемов – их загородный дом совсем недалеко от Сент-Клер-Холла.

Дрожащими пальцами Эмили осторожно положила письмо и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы справиться с охватившим ее трепетом. Трепетом, граничащим с ужасом.

Та часть ее существа, что жаждала увидеть Саймона Траэрна, боролась со страхом перед этой встречей. От волнения кружилась голова. В отчаянной попытке сохранить здравый смысл Эмили пыталась убедить себя, что эта встреча не сулит ничего романтического. Скорее всего предстоит прекратить дорогую ее сердцу переписку, ставшую за последние несколько месяцев самым важным событием в ее жизни.

А ужас заключался в том, что во время пребывания у Гиллингемов – в столь близком соседстве – Траэрн непременно услышит какой-нибудь скользкий намек на неприятную историю, в которую она когда-то попала. Разумеется, хозяйка дома, где он остановится, леди Гиллингем, как и вообще все в Литл-Дипингтоне и в округе, прекрасно осведомлена о страшном пятне на репутации Эмили. Хотя все случилось пять лет назад и теперь разговоры уже поутихли, но факт остается фактом.

Эмили пыталась рассуждать здраво. Рано или поздно – если Саймон Траэрн задержится в их краях надолго – кто-нибудь непременно упомянет о происшествии.

– Черт подери! – воскликнула Эмили, нарушив тишину библиотеки, и поморщилась от ругательства.

Одним из не слишком приятных последствий длительного уединения в большом доме в обществе одних только слуг

было то, что она приобрела некоторые дурные привычки. Например, когда ей того хотелось, могла свободно выругаться, как мужчина. Эмили мысленно приказала себе в беседах с мистером Траэрном следить за своей речью. Она была уверена: джентльмен, проявивший столь возвышенные чувства, сочтет ее привычку к резким выражениям совершенно недопустимой для молодой леди.

Эмили тяжело вздохнула. До чего же трудно будет соответствовать высоким требованиям Саймона... А не ввела ли она его в некоторое заблуждение относительно своей утонченности ума и изысканности манер?

Девушка порывисто встала и подошла к окну, выйдившему на цветник. Она и в самом деле не знала, радоваться ей или отчаиваться из-за приезда Траэрна. Она чувствовала себя так, словно стояла на краю пропасти.

Саймон Траэрн приезжает в Литл-Дипингтон. Это никак не укладывалось у нее в голове. Долгожданная встреча и связанный с нею риск будоражили воображение. Он не сообщил, когда прибудет, но похоже, что в ближайшее время. Наверное, через несколько недель или в следующем месяце.

Наверное, ей лучше придумать благовидный предлог, например, срочный визит к какой-нибудь дальней родственнице?

Нет, она не переживет, если упустит такой шанс. Пусть даже потом все рухнет. О, как ужасно, что приходится бояться встречи с человеком, в которого влюблена.

– Черт подери! – снова воскликнула Эмили и обнаружила, что улыбается как идиотка, хотя ей хочется плакать.

Напряжение стало почти невыносимым. Она вернулась к столу и дочитала письмо Траэрна до конца:

«...Благодарю Вас за экземпляр Вашего последнего стихотворения «Мысли во мраке перед рассветом». Я прочел его с большим интересом и должен Вам сообщить, что особенно меня потрясли те строки, где Вы рассматриваете поразительное сходство между треснувшей вазой и разбитым сердцем. Очень впечатляюще. Надеюсь, к тому времени, как Вы получите это письмо, у Вас уже будет положительный отзыв от издателя.

Всегда Ваши

С. О. Траэрн».

Теперь Эмили знала, что вряд ли решится поспешно уехать к несуществующей родственнице. Будь что будет, но она не в силах устоять перед возможностью встретиться с человеком, который так понимает ее поэзию и назвал ее стихи очень впечатляющими.

Она аккуратно сложила письмо Саймона и спрятала за корсаж бледно-голубого утреннего платица с завышенной талией. Быстро взглянув на часы, девушка поняла: пора возвращаться к работе. Ей предстояло сделать еще очень многое, прежде чем отправиться на очередное заседание лите-

ратурного общества, традиционно проходившего по четвергам.

Разобрав уже половину почты, Эмили наткнулась на письмо с очередным отказом издателя. Она сразу узнала конверт, ибо получила уже немало таких писем. Мистер Паунд, человек с явно ограниченным интеллектом, очевидно, не счел ее поэзию очень впечатляющей.

Но странно – мысль о скором приезде Траэрна волшебным образом смягчила этот удар.

– Не понимаю, чего ради вам захотелось посетить собрание литературного общества, Блэйд? – Нахмутив лохматые брови, лорд Гиллингем пристально смотрел на своего гостя.

Они с Саймоном стояли перед домом Гиллингемов, ожидая, пока подадут лошадей.

– Я думаю, это может оказаться весьма забавным. – Саймон слегка похлопывал хлыстом по сапогу. Теперь, когда оставались считанные минуты до встречи с мисс Эмили Фарингдон, им владело нетерпение.

– Забавным? Станный вы человек, Блэйд. Хотя чему тут удивляться, ведь вы столько лет провели на Востоке. Долгое пребывание среди иностранцев не идет на пользу, вот что я вам скажу. От этого и возникают всякие причуды.

– Но это принесло мне еще и состояние, – сухо напомнил Саймон.

– Что ж, справедливо. – Смущенно кашлянув, Гиллин-

гем сменил тему: — Я предупредил о вашем визите обеих Инглбрайт. Думаю, вам будут очень рады, но считаю своим долгом предупредить: это общество всего лишь стайка старых дев, которые собираются раз в неделю и превозносят до небес жалкую кучку стихоплетов. Женщины, знаете ли, очень склонны ко всякой романтической чепухе.

— Да, слышал, слышал... И все-таки мне любопытно посмотреть, как теперь развлекаются в сельской глуши.

— Ну, если вам угодно... Я подъеду с вами к Розовому коттеджу, представлю, а дальше вы уж сами. Вы не будете возражать, если я не останусь слушать их болтовню, а?

— Разумеется, нет, — рассеянно проговорил Саймон. Слуга подвел лошадей. — Это же мое чудачество, и я готов пожинать его плоды.

Граф Блэйд легко вскочил в седло Лапсанга и поскакал по дорожке рядом с лордом. Нетерпение охватывало его все сильнее и сильнее, бередя душу. Он старался обуздать непрошеное чувство. Саймон всегда гордился своим железным самообладанием.

Он почти не сомневался в радушном приеме сестер Инглбрайт и всех остальных обожающих поэзию старых дев. Может, он и не обладает красотой в стиле Байрона, Эшбрука и прочих, но он, в конце концов, граф.

Сей простой факт — как хорошо знал Саймон — плюс его огромное богатство и влияние вполне были способны скрасить множество физических изъянов, а также смягчить

самые разные недостатки, ошибки в суждениях и даже дурные черты характера.

Леди из литературного общества, без сомнения, пришли в совершенный восторг, узнав, что их скромный салон желает почтить своим присутствием сам граф Блэйд...

Розовый коттедж в действительности оказался весьма скромным. Маленький аккуратный домик, окруженный небольшим ухоженным розарием, стоял чуть в стороне от узенькой дорожки, неподалеку от поселка.

Хрупкие строгие седовласые женщины неопределенного возраста приветствовали у ворот трех посетительниц, видимо, только что пришедших пешком. Все они кутались от холода в поношенные старомодные накидки и пелерины самых скучных тонов. Их невзрачные шляпки были плотно стянуты под подбородком.

Подъезжая с лордом Гиллингемом, Саймон с любопытством рассматривал леди, стоящих у ворот. У него сразу же возникло впечатление, что ему предстоит встреча со стайкой пугливых серых голубей. Он тихонько чертыхнулся, размышляя, какая же из этих неприметных птичек Эмили Фарингдон. Граф испытывал странное чувство смятения, тревоги и некоторого удивления.

Насколько он мог судить об Эмили по переписке, ее трудно было представить одной из этих весьма чопорных дам. Он ожидал увидеть молодую особу, романтическую, полную дерзкой энергии.

Пять пар настороженных женских глаз устремились на него из-под старомодных шляпок. Ни одной из обладательниц этих взоров он не дал бы меньше сорока. Саймон нахмурился. Он был уверен: мисс Фарингдон гораздо моложе и симпатичнее. Фарингдоны славятся своей внешностью не меньше, чем беззаботностью поведения.

— Добрый день, леди. — Гиллингем галантно снял шляпу и широко улыбнулся. — Я привез вам гостя. Позвольте представить графа Блэйда. Совсем недавно он возвратился из Ост-Индии, знаете ли. И ему не терпится услышать, что делается в литературных кругах здесь, в Англии.

Саймон приподнял касторовую шляпу с загнутыми полями, внутренне готовясь к выполнению своей миссии, как вдруг до него дошло, что ни на одном из этих лиц нет ни малейшего признака радушия.

Он, прищурившись, наблюдал, как Гиллингем совершал церемонию представления. Сомневаться не приходилось: заведомо литературных четвергов не выражали ни малейшего восторга по поводу нового знакомства. Более того, Саймон читал на их лицах некоторое беспокойство и подозрительность. У него даже промелькнула мысль, что милые леди из литературного общества предпочли бы, чтобы он тут вообще не появлялся.

Гиллингем быстро покончил с формальностями:

— Мисс Инглбрайт, мисс Брейсгердл, мисс Хорнсби и мисс Остли...

Дамы вежливо, но без особого энтузиазма ответили на приветствие. Мисс Фарингдон среди них нет, отметил про себя Саймон. Он не мог отрицать, что испытал некоторое облегчение, однако дело усложнялось. Оставалось только надеяться, что леди просто запаздывает.

– Очень любезно с вашей стороны присоединиться сегодня к нам, милорд, – довольно холодно проговорила мисс Брейсгердл, высокая худощавая особа с вытянутым лицом.

– Весьма любезно, – чопорно подхватила старшая из сестер Инглбрайт. Но это прозвучало так, будто она предпочла бы, чтобы джентльмен отправился на охоту. – Как мило с вашей стороны интересоваться нашим скромным сельским обществом. Боюсь лишь, что вы сочтете нас ужасно скучными... совсем непохожими на посетительниц блестящих салонов в Лондоне.

– Да-да, наши заседания не чета Лондонским, – живо вмешалась мисс Остли, пухленькая и безвкусно одетая. – Мы здесь слишком отстали от времени, милорд.

– Я не встречал в Лондоне особенно блестящих литературных салонов, – вежливо отвечал Саймон, заинтересовавшись столь необычным приемом. Что-то было явно не так. – Просто группки вечно щебечущих леди и денди, предпочитающих обсуждать последние скандалы, а не новости литературы.

Пять дам смущенно переглянулись. Младшая из сестер Инглбрайт кашлянула:

– Признаться, мы иногда тоже опускаемся до подобной болтовни, милорд. Вам, полагаю, известно, как это бывает в деревне. У горожан, несомненно, есть более интересные предметы для обсуждения.

– Тогда и у меня найдется для вас несколько последних сплетен, – не без лукавства заметил Саймон.

Они от него так легко не отделаются. Он сам решит, когда ему уходить.

Дамы переглянулись с еще более неуверенным и встревоженным видом. В этот момент всеобщее внимание привлек топот конских копыт.

– А вот и мисс Фарингдон! – воскликнула мисс Хорнсби, впервые проявляя признаки радостного оживления.

Неуловимая мисс Фарингдон, ну наконец-то. Сначала Саймон увидел серую в яблоках кобылу, которая неслась по дорожке во весь опор. Он напряженно вглядывался. Во-первых, всадница сидела на лошади верхом по-мужски, а не боком. Во-вторых, ее волосы оказались не фамильного золотого цвета – под соломенной шляпкой свободно металась ярко-рыжие кудри... Что-то блеснуло на ее лице. Саймон почувствовал себя заинтригованным. Эмили Фарингдон носила очки в серебряной оправе! Их вид на несколько мгновений приковал его взор – ни одна из его знакомых ни за что на свете не появилась бы прилюдно в очках...

– Мисс Эмили Фарингдон, – доверительно шепнул ему лорд Гиллингем. – Эмили довольно мила, но по натуре все

они игроки, вся их семейка. Их здесь так и величают: вертопрахи Фарингдоны. Кроме, пожалуй, Эмили. Славная девушка. Очень жаль, что ее прошлое отягощено этой неприятной историей...

– Ах да, история... – Саймон вспомнил сплетню, которую ему удалось потихоньку вытянуть из хозяйки дома.

Весьма полезные сведения. И хотя граф располагает пока еще не всеми подробностями, он знает о прошлом Эмили достаточно, чтобы иметь солидное тактическое преимущество в той наступательной кампании, которую собирается развернуть. Он не мог отвести взор девушки. С изумлением Саймон обнаружил, что ее маленький носик усыпан веснушками, а глаза за поблескивающими стеклами зеленые.

Лорд Гиллингем тихо кашлянул в кулак.

– Мне не следовало распространяться, – пробормотал он. – Ей, бедняжке, тогда едва минуло девятнадцать. Все в прошлом. Об этом, сэр, давно никто не вспоминает. Надеюсь, сэр...

– Ну разумеется, – отозвался Саймон.

Лорд Гиллингем слегка приподнялся в седле и приветливо улыбнулся Эмили:

– Добрый день, мисс Эмили.

– Добрый день, милорд. День и вправду чудесный, не находите? – Эмили придержала кобылу и приветливо улыбнулась Гиллингему. – Так вы присоединитесь к нам сегодня? – Она уже хотела спешиться, не дожидаясь помощи.

– Позвольте мне, мисс Фарингдон. – Саймон соскочил с коня и передал поводья Гиллингему.

На ходу он успел окинуть Эмили быстрым оценивающим взглядом. Саймон все еще никак не мог поверить, что наконец-то перед ним желанная добыча, которую он так долго выслеживал. Все Фарингдоны, кого ему доводилось видеть раньше, были высокими блондинами и отличались необычайной красотой.

Но Эмили... Саймону оставалось лишь предположить, что некая зловредная фея двадцать четыре года назад подбросила в детскую к Фарингдонам дитя сказочных эльфов. Впрочем, девица и сейчас напоминала эльфа. Слишком маленькая, хрупкая, она не поражала статью. Напротив, все в ней казалось тонким и изящным – от слегка вздернутого носика до нежного изгиба бедер, почти неразличимого под тяжелой тканью старомодной выцветшей амазонки.

Солнце вновь сверкнуло в стеклышках очков Эмили, когда она наконец изволила взглянуть на Саймона. Он внезапно осознал, что просто пригвожден к земле этим пытливым взглядом, в котором светилось удивительное сочетание живого ума и невинной доброты.

Граф сразу понял, что мисс Эмили Фарингдон может оказаться какой угодно, только не скучной. Пусть немного несовременной, но определенно не тривиальной. Эта леди – оригиналка.

Саймон протянул руки и сомкнул на тоненькой талии

Эмили. Его пальцы ощутили, какая она гибкая, и нежная и между тем достаточно сильная для своего небольшого роста.

Проклятье! Его возбудило одно только прикосновение к ней. Граф нахмурился и немедленно овладел собой.

Гиллингом торопливо представлял их друг другу, но Эмили не слишком внимательно его слушала.

– Благодарю вас, сэр, – чуть задохнувшись, молвила она, соскальзывая с кобылы. Все ее внимание, казалось, занимала туго набитая сумка, притороченная к седлу. – Ваш спутник сказал – граф Блэйд? Надо же! Не каждый четверг мы принимаем графа...

– Мое имя Саймон... Саймон Огастас Траэрн, – со значением проговорил граф. – Смею надеяться, вы знаете меня как Траэрна, мисс Фарингдон.

Эмили в изумлении приоткрыла рот, а глаза ее за стеклышками очков округлились от ужаса.

– Траэрн! Нет, невозможно, чтобы вы были мистером Траэрном. – Она рванулась из его рук, словно они обожгли ее.

– Осторожно, мисс Фарингдон! – крикнул Саймон, увидев, как прынула от испуга лошадь.

Но предупреждение запоздало. Ногой, обутой в сапожок, Эмили случайно угодила кобыле в живот. Бедное животное тут же отреагировало на столь дурное обращение и нервно заплясало, сумка зашлепала по бокам.

Эмили попыталась поправить соскочившие на нос очки,

одновременно стараясь укротить лошадь. Однако кобыла снова всхрапнула, резко дернувшись в сторону, и Эмили начала медленно, но неотвратимо падать.

– О господи, – завопила мисс Брейстердл, – она же сейчас упадет с лошади!

– Так ведь... – начал лорд Гиллингем с явной тревогой.

Одна из сестер Инглбрайт метнулась вперед, стараясь уцепиться за уздечку, но для кобылы это оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения: животное резко встало на дыбы, забив копытами в воздухе.

– Черт подери! – воскликнула Эмили, окончательно теряя равновесие и падая прямо в объятия Саймона.

Глава 2

Эмили хотелось, чтобы пол Розового коттеджа разверзся и поглотил ее вместе со стулом. Она чувствовала себя униженной и оскорбленной. Нестерпимые душевные муки терзали ее. Впору бы угаснуть от таких страданий, но, видать, ее тоска была недостаточно иссушающей!

Напротив, в груди Эмили бушевала ярость: невыносимо сознавать, что величайшая любовь ее жизни подкралась к ней так неожиданно и застигла совершенно неподготовленной к столь знаменательному событию.

Чтобы успокоиться, она глотнула чаю, внимая тому, как леди литературного общества делали бесславные попытки обсудить последние статьи из недавно вышедшего «Эдинбургского обозрения», но особого энтузиазма не ощущалось.

Чашка резко звякнула о блюдец, когда Эмили поставила ее на стол. Этот звук выдал ее с головой. В таком состоянии недолго и чай пролить на ковер. – Полагаю, не следует удивляться тому, что пишут о последней работе Саути¹. – Спокойный низкий голос Саймона прорезал едва теплящуюся беседу о последнем довольно нудном произведении Джона Макдональда «Персидская империя и ее география». – Как обычно, обозреватели со своими замечаниями оказались яв-

¹ Роберт Саути (1774–1843) – английский поэт, представитель «Озерной школы».

но не на высоте. Они просто не знают, как подступиться к Саути. Да и к Вордсворту или Кольриджу² тоже, не правда ли? Можно подумать, что для них это как вендетта по отношению к поэтам «Озерной школы».

Вялое обсуждение, которое и вначале никак не могло разгореться, теперь окончательно угасло. В очередной раз.

Саймон отпил чаю и выжидательно оглядел комнату. Но так как никто не заговорил, он снова попробовал возобновить беседу:

– Конечно, чего ждать от группки шотландцев, которые называют себя обозревателями? Как отметил Байрон несколько лет назад, критики в «Эдинбургском обозрении» – это просто кучка ограниченных невежд. Я склонен согласиться с ним. А как считает ваше собрание?

– Вы имеете в виду стихотворение Байрона, озаглавленное «Английские барды и шотландские обозреватели», милорд? – с натянутой вежливостью спросила мисс Хорнсби.

– Совершенно верно. – В голосе Саймона послышались нетерпеливые нотки.

Мисс Хорнсби побледнела, а некоторые из дам литературного общества, смущенно покашливая, нервно переглянулись.

– Еще чаю, милорд? – отважилась наконец Лавиния Ингльбrait, схватившись за чайник.

² Уильям Вордсворт (1170–1850) и Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834) – английские поэты, представители «Озерной школы».

– Благодарю вас, – сухо отозвался Саймон.

Эмили с болью ощущала явное раздражение и разочарование графа, когда общая беседа в очередной раз угасла, но не смогла сдержать быстрой улыбки. Леденящее влияние Саймона на литературное общество в некотором роде забавляло ее.

Словно дракон в гостиной... Все понимают, что лучше быть чрезвычайно любезными, но не знают толком, что же делать с этим существом.

Восседавший на почетном месте у каминной решетки ТраэРН занял, казалось, все свободное пространство этой аккуратной, по-женски украшенной вышивкой и цветами комнаты, словно заполнил ее своей неодолимой, немного опасной мужественностью.

Эмили вздрогнула от странного возбуждения, исподволь разглядывая графа. Он был крупным, крепким, стройным мужчиной с широкими плечами. Плотные облегающие бриджи четко очерчивали его сильные бедра. Эмили уловила, как Лавиния Инглбрайт беспокойно поглядывает на изящное креслице, в котором расположился граф. Бедняжка Лавиния, наверное, опасается, что столь хрупкая мебель может не выдержать и сломаться. Эмили мысленно нарисовала картину катастрофы.

«Да, граф, сидящий среди обломков креслица Лавинии Инглбрайт, – весьма забавное зрелище», – подумала Эмили. В следующее мгновение она решила, что, должно быть, впа-

дает в истерику. Неужели этот невыносимый вечер никогда не кончится?

Она подавила стон и слегка скосила глаза в поисках ближайшего столика, чтобы избавиться от дребезжащей чашки с блюдцем. Без очков все казалось сплошным размытым разноцветным пятном. Она сдернула очки и запихнула их в сумочку, едва граф поставил ее на ноги. Но было поздно – Саймон видел ее в них...

После стольких месяцев тайных надежд и мечтаний встретиться наконец с великой любовью своей жизни и – надо же! – оказаться в очках. Просто ужасно!

Но и это еще не все... Блэйд также видел, что она ездит по-мужски верхом. Он застал ее в немодной шляпке и в самой старой амазонке. И конечно, она не позаботилась запудрить веснушки, прежде чем выехать сегодня из Сент-Клер-Холла. Но ей и в голову не приходило пудриться здесь, в деревне. Все в округе Литл-Дипингтона прекрасно знали, как она выглядит.

Боже милостивый, какой позор!

Зато Саймон Огастас Траэрен, граф Блэйд, как она и предполагала, был само совершенство... Правда, ее несколько смутила холодность его странного взгляда, но некоторого холодного блеска и следовало ожидать в глазах дракона, успокоила она себя.

Неожиданной для нее оказалась и резкость черт его лица. «Конечно же, не вина Блэйда, что нет и намека на нежность

и мягкость в его четко очерченном профиле, высоких скулах и решительно вылепленном подбородке. Без сомнения, это лицо человека с сильным характером, – размышляла Эмили. – Лицо, отражающее огромную силу воли. Лицо настоящего мужчины».

Как жаль, что он оказался графом. Теперь пропасть между ними стала еще глубже, чем когда он был просто Траэрном.

Чашка с блюдцем опять предательски звякнула, когда Эмили наклонилась вперед.

– Позвольте мне помочь вам, мисс Фарингдон. – Теплые сильные пальцы Саймона случайно задели ее руку, когда он решительно отобрал у нее чашку.

– Спасибо. – Эмили прикусила губу и откинулась в кресле.

Теперь ее унижению не было предела. Она чуть не водрузила свою чашку на чьи-то колени, возможно, даже на его. Черт подери! Она отчаянно молилась, чтобы этот кошмар наяву наконец прекратился.

– Советую вам надеть очки, мисс Фарингдон, – вполголоса пробормотал Саймон, пока остальные леди продолжали вымученную дискуссию о справедливости статей в «Эдинбургском обозрении». – Нет никакого смысла действовать вслепую. Ведь мы с вами старые друзья. Мне ли заботиться о веяниях моды.

Эмили вздохнула:

– Полагаю, вы правы, милорд. В любом случае вы меня в них уже видели.

Она порылась в сумочке и извлекла очки. Мужественные черты лица Саймона и странная холодность его глаз обрели наконец четкость. Она увидела, что он очень внимательно изучает ее, и попыталась прочесть его мысли:

– Кажется, не совсем то, что вы ожидали, да, милорд?

Его губы дрогнули в мимолетной веселой усмешке.

– В жизни вы еще интереснее, чем в письмах, мисс Фарингдон. Уверяю вас, я ничуть не разочарован. Надеюсь, что вы можете сказать то же самое.

Эмили раскрыла рот от изумления.

– Раз-зочарована? – заикаясь, произнесла она. – Нет-нет, ничуть, мистер ТраэРН, то есть... я хочу сказать, милорд.

Эмили покраснела, напомнив себе, что ей уже двадцать четыре года и она не школьница. Более того, она переписывалась с этим человеком уже несколько месяцев.

– Хорошо. Видите, мы продвигаемся вперед. – В голосе Саймона прозвучало удовлетворение.

Он не спеша отпил еще чаю, и неуловимый изгиб его рта намекнул, что он не в восторге от этого сорта.

Итак, Эмили решила вести себя, как подобает взрослой леди, а посему попыталась включиться в вяло текущую беседу, которая шла в гостиной. Завсегдатаи четвергов тщетно пытались оживить нудную дискуссию о влиянии поэтов «Озерной школы», и Эмили изо всех сил старалась помочь им.

Граф какое-то время молча пил чай.

Эмили уже начала чувствовать себя более свободно, когда Саймон вдруг отставил чашку и, словно гром среди ясного неба, разразился словами:

– Кстати, о Байроне и ему подобных: кто-нибудь имел случай прочесть последнее творение лорда Эшбрука «Герой Марлианы»? Лично мне оно кажется лишь слабым подражанием Байрону, что едва ли достойно рекомендует автора. Этот господин далеко не столь интересен, как Байрон, не так ли? Ему не хватает настоящего чувства иронии. Но, без сомнения, Эшбрук сейчас очень моден в определенных кругах. Любопытно было бы узнать ваше мнение.

Ошеломляющее воздействие сего, казалось бы, безобидного замечания проявилось сразу же. Обе мисс Инглбрайт одновременно поперхнулись. У мисс Брейсгердл от ужаса задрожали губы. Мисс Хорнсби переглянулась через всю комнату с мисс Остли. Эмили уставилась на свои руки, крепко сжатые на коленях. Даже Саймон, несмотря на всю свою философскую холодность, казался слегка опешившим от свинцовой тишины, нависшей над гостиной. Эта тишина была совсем иная, чем та, что время от времени устанавливалась раньше. В той чувствовалась неловкость, а в этой сквозили явная враждебность и даже обвинение.

Саймон огляделся с несколько озадаченным видом:

– Я понимаю... вероятно, никто из вас не имел случая прочесть поэму Эшбрука?

– Верно, милорд. Мы ее не читали. – Эмили избегала его

взгляда, зная, что щеки ее полыхают. Она снова потянулась за чашкой в отчаянной попытке занять чем-то свои дрожащие руки.

– Не слишком большая потеря, уверяю вас, – нараспев произнес Саймон. В его золотистых глазах загорелся опасный интерес – интерес дракона, наметившего добычу.

Литературные дамы неожиданно пробудились к жизни. Они полностью завладели беседой, словно упоминание имени Эшбрука подхлестнуло их к действию. Их голоса зазвучали громче, заполнив гостиную долгим скучным обсуждением последнего произведения Марии Эджворт «Покровительство». Даже в «Эдинбургском обозрении», обычно заискивающем перед мисс Эджворт, затруднились отыскать в этом сочинении что-нибудь достойное. Провинциалки же разметали его в клочья.

С холодной улыбкой Саймон вновь откинулся в кресле, предоставил дискуссии бушевать без него, а через некоторое время тихо пробормотал:

– Извините меня, Эмили. Похоже, я сказал что-то невпопад.

Девушка поперхнулась чаем.

– Ничего подобного, милорд, – выдавила она меж судорожных попыток вздохнуть. Глаза ее увлажнились. – Просто мы здесь не очень хорошо знакомы с произведениями лорда Эшбрука.

– Ясно. – Саймон наклонился и легонько хлопнул ее по

спине.

Эмили покачнулась, а затем вернула равновесие и способность дышать. Ей удалось произнести:

– Благодарю вас, милорд.

– Всегда к вашим услугам. – Сардонически усмехаясь уголками рта, граф встал. В гостиной мгновенно воцарилась тишина, на сей раз явно исполненная надежды на избавление от его общества. Он вскинул брови. – Прошу меня извинить, леди, но должен вас покинуть. Я обещал леди Гиллингем вернуться рано. Надеюсь иметь удовольствие видеть вас еще. Уверяю вас, это был очень познавательный вечер.

Несколько минут вежливой суматохи, и Саймон был поспешно препровожден к двери. Он вежливо поклонился и зашагал по узкой тропинке к воротам, где его ожидал жеребец. Граф вскочил в седло, прощаясь, приподнял шляпу и поскакал по дорожке.

Почувствовав облегчение, все пять женщин дружно повернулись к Эмили.

– Я думала, он никогда не уйдет, – пробормотала Присцилла Инглбрайт, падая обратно в кресло. – Лавиния, налей нам всем по чашечке чаю, хорошо?

– Конечно. – Ее сестра подняла чайник, пока остальные усаживались на свои места. – Когда лорд Гиллингем известили, что Блэйд вознамерился посетить нас, я испытала настоящее потрясение. Отказать было невозможно. По словам Гиллингема, граф имеет большое влияние в Лондоне.

– Блэйд, пожалуй, недурен в своем роде, – рассудила ее сестра, – но вряд ли он уместен в нашем маленьком кружке.

– Вряд ли, – вздохнула мисс Хорнсби. – Это все равно что развлекать громадного зверя, ненароком забредшего в гостиную.

– Дракона, – тихо заметила Эмили.

– Дракон... Очень удачное сравнение, – немедленно согласилась мисс Остли. – Блэйд выглядит довольно опасным человеком, не правда ли? Что-то зловещее есть в его взгляде. Прямо дрожь пробирает!

– Нам следовало бы гордиться визитом графа, и я уверена, все мы чувствуем себя польщенными, но, честно говоря, я испытала большое облегчение, когда он ушел. Подобные люди не годятся для маленьких сельских гостиных, вроде нашей, – заявила Присцилла Инглбрайт. – Весьма утомительно, когда такой человек находится рядом.

– Его семья, кажется, когда-то жила в наших краях... – Лавиния задумчиво нахмурилась.

Эмили с удивлением восприняла новость:

– Вы уверены?

– О да. С тех пор уже прошло больше двадцати лет. Мы с Присциллой тогда только поселились здесь. Семье графа принадлежали обширные угодья, как я припоминаю. – Лавиния вдруг осеклась, и в глазах у нее возникло странное выражение. – Впрочем, как я уже говорила, это было двадцать лет назад, и я, конечно же, не вспомню всех подробностей.

– Должна заметить, его появление именно сегодня оказалось весьма некстати, – проговорила мисс Хорнсби. – Мы целую вечность ждали вестей от Эмили, а вынуждены были битый час обсуждать новейшие литературные обзоры. Чрезвычайно утомительно. Но теперь мы наконец-то займемся делом. – Она перевела нетерпеливый взгляд поблекших глаз на Эмили. – Ну как, милочка? Как все прошло?

Эмили решительно поправила очки и открыла сумку. Теперь, когда Саймон Траэрс ушел, она ощущала ясность в мыслях.

– Леди, рада сообщить вам хорошую новость. – Говоря, она рылась в сумке и вытаскивала оттуда какие-то бумаги. – Акции навигационного канала, которые мы купили, проданы с большой прибылью. Я получила отчет мистера Давенпорта с утренней почтой. Он уже отнес чеки в банк и положил деньги на ваш счет.

– Ах ты господи! – оживилась мисс Брейсгердл, и глаза ее засияли. – Я наконец-то смогу позволить себе приобрести тот домик в конце улочки. Какое облегчение знать, что у тебя будет крыша над головой, когда твой последний подопечный уедет в школу.

– Все это так волнующе, – заявила мисс Хорнсби. – Подумай только, Марта, – обратилась она к мисс Остли, – мы уже на пути к тому, чтобы обеспечить себе приличную пенсию.

– Особенно, – отозвалась Марта Остли, – когда становится очевидно, что ни один из наших работодателей не заботится

о том, чтобы она была. Обеспеченная старость – это такое благо!

– Если так пойдет, мы с Лавинией скоро сможем открыть институт благородных девиц, – с восторгом подхватила Присцилла Инглбрайт. – Еще недавно все казалось недосягаемой мечтой, и вот желаемое уже почти осуществилось!

– Благодаря Эмили, – добавила Лавиния Инглбрайт, тепло улыбнувшись самой молодой участнице их литературного общества.

– Эмили, я холодею при мысли о том, что бы со всеми нами стало, не предложи вы нам этот чудный план собрать деньги и вложить их в акции и фонды. – Мисс Хорнсби покачала головой. – Я боялась перспективы стать компаньонкой одной из моих престарелых родственников. Это сущее наказание – мои родственники. Приходится пресмыкаться из-за каждой малости.

– Мы спасены и целиком обязаны этим Эмили, – провозгласила мисс Брейсгердл. – И если вы знаете, как мы можем отблагодарить вас, Эмили, то должны нам немедленно сообщить.

– Вы мне уже тысячу раз отплатили своей дружбой, – серьезно заверила их Эмили. – Я никогда не забуду, что вы для меня сделали, когда я так ошиблась пять лет назад.

– Глупости, милочка, – возразила мисс Брейсгердл. – Мы всего лишь настояли, чтобы вы продолжали посещать наши скромные собрания по четвергам, как обычно...

«И тем самым всем и каждому дали понять, что порядочные люди в Литл-Дипингтоне не собираются подвергать остракизму девушку из семьи Фарингдон только потому, что она попала в столь щекотливое положение», – с внезапно нахлынувшей теплотой подумала Эмили.

Лавиния Инглбрайт встала, глаза у нее сверкали.

– Предлагаю отпраздновать! Не достать ли мне бутылочку кларета, которую мы приберегали, Присцилла?

– Славная мысль! – поддержала ее сестра.

Саймону пришлось с добрых полчаса бесцельно прогуливать своего жеребца среди деревьев, прежде чем Эмили наконец соизволила появиться.

Граф молча злился. Его кампания началась вовсе не так гладко, как он предвкушал, собираясь на заседание литературного «четверга». Вынужденный предпринять стратегическое отступление, он решил устроиться в засаде, поджидая девушку на обратной дороге в Сент-Клер-Холл.

Он был совершенно уверен, что собрание литературного общества быстро завершится после его ухода, но, очевидно, почтенные леди все же нашли о чем потолковать. Он замерз, хотя день выдался необычно теплый. Но как-никак – на дворе февраль.

Лапсанг тихонько заржал, прядая чуткими ушами. Саймон замедлил шаг и прислушался. Он уловил далекий перестук копыт скачущей по дорожке лошади.

– Давно пора, – проворчал он, вскакивая в седло. А по-

том нахмурился, заслышав звонкий голосок Эмили, которая, сбиваясь с мотива, во все горло распевала фривольную песенку:

*Что хорошего в мужчинах, я вас спрашиваю, леди?
Будь мы хоть чуть-чуть разумней, дела б с ними не
имели.
Они хвастают, что будто всем-всем-всем они нужны.
Но уж если захотите знать, зачем они нужны,
загляните к ним в штаны.*

Несмотря на мерзкое настроение, Саймон невольно усмехнулся. Литературные дамы явно угостились кое-чем покрепче чая.

Он натянул поводья и послал Лапсанга из укрытия на середину дороги. Мгновением позже у поворота показалась серая в яблоках кобыла.

Эмили сначала его не заметила – слишком увлеклась своей неприличной песенкой. Ее очки поблескивали на солнце, рыжие кудри подпрыгивали в такт мелодии. Саймона охватило внезапное желание узнать, как выглядит эта буйная масса волос, если вынуть из них шпильки и рассыпать по плечам.

– Да ну к черту! – ругнулся граф себе под нос, ожидая, когда Эмили поймет, что он стоит прямо у нее на дороге.

Ему меньше всего хотелось обнаружить, что эта женщина физически привлекает его. Для осуществления задуманного

необходимо сохранять трезвость ума.

– Добрый день, мисс Фарингдон.

Ахнув от неожиданности, Эмили рывком остановила лошадь.

– Господи, что вы здесь делаете, милорд?! – Она покраснела, и в ее глазах промелькнуло беспокойство. – Вы заблудились? Гиллингемы сразу же за этим подъемом. Вам нужно просто свернуть у ручья и двигаться прямо вверх по холму.

– Благодарю, – сказал Саймон. – Но уверяю вас, что не заблудился. Я поджидал вас. И уже начал опасаться, что вы отправились домой другой дорогой.

Она непонимающе уставилась на него:

– Но позвольте, вас же рано ждут у Гиллингемов...

– Сознаюсь, это был лишь предлог, чтобы покинуть почтенное собрание. Трудно было не заметить, что мое присутствие действует парализующе на завсегдатаев литературного общества.

Эмили, словно совенок, заморгала:

– Боюсь, вы правы, милорд. Нам еще не приходилось развлекать драконов... – Она ужаснулась своим словам и попыталась исправить ошибку: – Я хотела сказать, графов... на своих четвергах.

– Значит, дракон? Вот каким вы меня видите, мисс Фарингдон?

– Нет-нет, милорд, – поспешно заверила она. – Ну, может быть, глаза чуть-чуть похожи...

Саймон невесело усмехнулся:

– А как насчет зубов?

– Лишь самое отдаленное сходство. Но все это пустяки, уверяю вас, милорд. Вы именно такой, каким я вас себе представляла, читая ваши письма.

Саймон медленно выдохнул, с трудом сохраняя самообладание:

– Вы не согласитесь немного прогуляться со мной? Нам есть что обсудить...

– Да?

– Конечно. Мы же с вами старые друзья, не правда ли?

– Да?

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, мисс Фарингдон, но мне казалось, что мы с вами переписывались уже несколько месяцев...

Она мгновенно оживилась:

– Да-да, милорд. Несомненно. – И рыжие кудри Эмили запрыгали под шляпкой – она торопливо кивала в знак согласия. – Мне кажется, что знаю вас целую вечность.

– У меня тоже такое чувство.

– Дело в том... я никак не предполагала, что когда-нибудь встречу с вами.

– Понимаю. Так вы ничего не имеете против прогулки вдоль ручья? – Саймон спешил и решительно направился к ней, держа Лапсанга на поводу.

Она взглянула на него, не скрывая сильного желания со-

гласиться:

– Мне бы очень хотелось, милорд, но, боюсь, это не совсем удобно.

– Глупости. Кто нас увидит? И даже если кто и заметит нас вдвоем, вряд ли будет иметь основание громко возмущаться. В конце концов, нас же только что по всем правилам представили друг другу на собрании местного литературного общества.

Ее недолгие колебания растаяли без следа. Она одарила его сияющей улыбкой:

– Вы совершенно правы, милорд. Признаться, я никак не могу поверить, что мы наконец встретились. Я и не мечтала об этом.

Она начала потихоньку слезать с лошади, и Саймон протянул руку, чтобы помочь девушке. На этот раз она сохранила равновесие и не свалилась к нему в объятия. Он даже слегка разочаровался, так как хотел бы вновь ощутить это мягкое, гибкое, женственное тело на своей груди. – Простите, что застал вас сегодня врасплох, – сказал он, ведя лошадей между деревьями. – Я рассчитывал устроить вам сюрприз. Знаю, вы любите сюрпризы.

– С вашей стороны очень любезно вспомнить об этом, – ответила Эмили. – Я и вправду люблю сюрпризы...

Он усмехнулся и добавил:

– Но не всегда...

– Просто мне очень хотелось выглядеть наилучшим обра-

зом при встрече, – призналась она. – Вы даже не представляете, как я переживала, получив сегодня утром ваше письмо. Я-то полагала, что у меня еще целые недели для подготовки. Впрочем, вряд ли от этого многое изменилось бы.

Он посмотрел на Эмили сверху вниз и заметил, что она едва достает ему до плеча. Но в ее движениях сквозила какая-то завораживающая воздушная грация.

– Позвольте заметить, мисс Фарингдон, выглядите вы прелесть. По правде говоря, я был очарован в тот же момент, как вас увидел.

– Да? – Она наморщила носик, озадаченная этим признанием.

– Совершенно очарован.

Ее глаза засияли от радости.

– Благодарю, милорд. Уверяю вас, я очарована точно так же. Вами...

Что-то уж слишком быстро и легко, подумал граф.

– Но я ни в коем случае не имел намерения расстроить вас или достойных леди. Вы должны меня простить.

– Видите ли, мы вообще-то не собирались сегодня обсуждать поэзию или критику, – пояснила Эмили, легко вышагивая рядом с ним.

– Что же вы собирались обсуждать?

– Вложения капитала. – Она неопределенно махнула рукой.

Граф пристально посмотрел на нее:

– Вложения капитала?

– Да. Я понимаю, вам это должно показаться ужасно скучным. – Она с беспокойством взглянула на спутника. – Но сегодня был совершенно удивительный день. Я получила прекрасные новости относительно вложений, которые осуществила по просьбе моих друзей. Они все очень озабочены своей пенсией. И не стоит их винить за это.

– Вы взяли на себя заботу об их будущих пенсиях?

– У меня есть определенные способности к финансовым делам, и я просто предпринимаю все, что в моих силах. Леди, с которыми вы сегодня познакомились, были чрезвычайно добры ко мне. И это самое малое, чем я могу их отблагодарить. – Она улыбнулась ему, как бы успокаивая. – Но уверяю вас, обычно мы довольно оживленно обсуждаем и новые книги, и поэзию. К примеру, на прошлой неделе подробно анализировали книгу мисс Остен «Гордость и предубеждение». Я как раз собиралась сообщить вам об этом в письме.

– Как вы находите ее роман?

– Ну, полагаю, он неплох в своем роде. То есть мисс Остен очень талантливая писательница. Необычайно тонко отображает некоторые характеры, но...

– Но?.. – Саймон невольно заинтересовался.

– Дело в том, что предмет ее повествования слишком уж прозаический, вы не находите? Она пишет о самых обычных людях и событиях.

– Да уж, мисс Остен не Байрон, вы правы.

– Разумеется, – с энтузиазмом подхватила Эмили. – Ее книги чрезвычайно занимательны, но в них нет того волнения, той экзотики, как в произведениях лорда Байрона, не говоря уже об атмосфере приключений и плещущих через край бурных страстей. Наше литературное общество только что закончило чтение «Гяура».

– И в восторге от него, не так ли?

– О да. Такая волшебная атмосфера, такие замечательные приключения, такое жутковатое ощущение пылкой страсти. Мне поэма понравилась не меньше, чем «Чайльд Гарольд». Я с нетерпением жду следующего произведения Байрона.

– Как и весь Лондон.

– Кстати, сэр, вы не знаете, как все-таки правильнее прочитать по-английски: «Гяур» или «Джаур»? Мы долго обсуждали это в прошлый четверг и не пришли к одному мнению, хотя мисс Брейсгердл, отлично разбирающаяся в древней истории, утверждает, что правильнее «Джаур».

– Насколько мне известно, тема еще не закрыта. – Саймон дипломатично ушел от прямого ответа.

Он еще не имел случая прочесть поэму, да и, признаться, не собирался. Он погрузился в романтическую литературу и поэзию лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы приманить добычу. Теперь, когда ловушка вот-вот захлопнется, не имело значения, прочтет ли он когда-нибудь еще одну приключенческую поэму. Не лучше ли потратить время на что-нибудь более полезное.

– Да в общем-то не так уж и важно, – тактично завершила его Эмили. – Я имею в виду «г» или «дж».

Саймон пожал плечами:

– По-моему, для Байрона это все-таки важно.

Они дошли до ручья и теперь были надежно спрятаны деревьями от посторонних взоров с дорожки. Он машинально свернул вправо и устремился вверх по течению ручья.

Эмили с безыскусной грацией приподняла подол своего выцветшего платья, и от этого жеста оно почему-то стало почти изящным. Девушка с любопытством озиралась вокруг.

– Извините, милорд, но, мне кажется, вы отлично знаете, куда идете. Вы помните эту дорожку с тех пор, как жили здесь ребенком?

Саймон бросил на Эмили настороженный взгляд. Конечно же, слухи должны были дойти до нее довольно быстро.

– Откуда вы знаете, что моя семья жила здесь?

– Лавиния Инглбрайт упомянула об этом.

– С тех пор как я жил в ваших местах, прошло немало времени, – осторожно заметил Саймон.

– Все равно, какое поразительное совпадение, правда? Только представьте, милорд: вы начали со мной переписываться, совершенно случайно узнав, что я разделяю ваш страстный интерес к романтической литературе; затем выясняется, что ребенком вы жили недалеко от Литл-Дипингтона. А теперь мы наконец встретились. Просто невероятно.

– Жизнь полна странных совпадений.

– Я предпочитаю верить, что это судьба. Знаете, я прямо вижу вас маленьким мальчиком, резвящимся у ручья, возможно с собакой. У вас была собака, сэр?

– Вроде бы, да. Эмили кивнула:

– Я так и думала. Я сама часто прихожу сюда. Вы не помните мое последнее стихотворение под заглавием «Строки, рожденные летним днем на берегу пруда»?

– Отлично помню.

– Оно родилось вон у того маленького озерца, – гордо сказала она. – Может, вы припомните строчку-другую?

Достаточно было взглянуть в ее полные надежды зеленые глаза! Саймон принялся отчаянно рыться в памяти, пытаясь отыскать милое, но в общем ничем не примечательное стихотвореньице, которое она бережно вложила в одно из своих последних писем. Он испытал громадное облегчение, когда его превосходная память поспешила на выручку. Граф попробовал воспроизвести первые строки:

Здесь, у пруда, где капли солнца
Играют в светлой глубине,
Так сладостно мне было молча
Мечтать в манящей тишине.

– Вы помните!.. – Эмили, казалось, затрепетала от счастья, словно он осыпал ее золотом. Потом она покраснела и доверительно добавила: – Я понимаю, мне нужно еще поработать над ним. «Солнца – молча»... По-моему, слишком

вольная рифма, вы не находите?

– Ну, как сказать... – осторожно начал Саймон.

– Но сейчас это не имеет значения, – пылко заявила она. – Я работаю над большим произведением, и пройдет некоторое время, прежде чем я смогу вернуться к «Строкам, рожденным в летний день на берегу пруда».

– Над большим произведением? – Саймон понял, что беседа принимает несколько иное направление, чем ему хотелось бы.

– Да, я назвала его «Таинственная леди». Длинная эпическая поэма с приключениями и пылкой любовью, в духе Байрона. – Эмили застенчиво взглянула на него. – Вы единственный, кроме членов нашего литературного общества, милорд, кому я поведала о ней.

– Я польщен, – тихо произнес Саймон. – Приключения и пылкая любовь, вот как?

– О да. Это будет история молодой женщины с волосами как пламя заката, которая отправляется на поиски пропавшего возлюбленного. Они собирались пожениться, однако ее семья отвергла его и запретила им встречаться. Ему пришлось уехать. Но перед отъездом он подарил возлюбленной кольцо и поклялся, что вернется за ней и они обвенчаются вопреки воле ее родных.

– Видимо, что-то помешало его планам?

– Да. Он не вернулся, и героиня понимает: любимый попал в беду и отчаянно нуждается в ее помощи.

– И как же она узнала об этом? – спросил Саймон.

– Они с героем так близки, так тесно связаны чистым и благородным чувством, что между ними возникает связь более высокого порядка. Она сердцем чувствует несчастье. Девушка покидает дом и отправляется на поиски любимого.

– Довольно рискованная затея. А если благородный герой просто воспользовался неодобрением родителей как предлогом, чтобы от нее отделаться? Или она ему надоела, и благодаря тому, что родители вышвырнули его вон, у него появилась возможность пристойно выйти из той неловкой ситуации, в которую он угодил... – Не успев договорить, Саймон осекся. Смятенного лица Эмили оказалось достаточно, чтобы в нем зашевелились последние крупинцы совести.

– Ах нет! – выдохнула Эмили. – Все совсем не так.

– Ну конечно, – произнес Саймон, выдавив невеселую улыбку. – Я вас просто поддразнил. Простите меня. Откуда мне знать сюжет вашей истории? Это же вы пишете поэму.

– Вот именно. И уверяю вас, конец в ней будет счастливым. Я предпочитаю, чтобы все заканчивалось хорошо, понимаете?

– Скажите мне, мисс Фарингдон, если бы вам сегодня кто-нибудь дал десять тысяч фунтов, что бы вы с ними сделали?

Необыкновенное воодушевление исчезло как по волшебству. От внезапного вопроса Саймона мечтательный взор Эмили за стеклами очков стал вдруг спокойным и расчетливым. В глазах эльфийки запылало зеленое пламя прони-

цательного и острого как бритва ума.

— Я бы купила несколько акций вновь образованного предприятия на канале, о котором недавно узнала; купила бы, пожалуй, несколько банковских облигаций и вложила деньги под четыре процента. С последним, впрочем, лучше быть поосторожнее. Изнурительная война с Наполеоном скоро закончится, и стоимость фондов может упасть. Следует сохранять легкость перемещений, когда имеешь дело с государственными деньгами.

— Замечательно, — пробормотал себе под нос граф. — Мне просто хотелось убедиться, что я имею дело... именно с той женщиной. На какое-то мгновение я засомневался.

Эмили моргнула:

— Что вы сказали?

— Да так. Изволю шутить. — Саймон улыбнулся. — Ваши финансовые советы превосходны, мисс Фарингдон. У нас с вами, кажется, сходная стратегия.

— Да? Вы играете на бирже?

— Помимо всего прочего, у меня широкий круг финансовых интересов.

Он остановил лошадей и привязал поводья к двум ближайшим деревьям, потом взял Эмили под руку и повел к большому валуну у пруда.

Он наблюдал, как она села, грациозно расправив тяжелую юбку своей амазонки. На мгновение он даже забыл о цели, любуясь движением ее рук, разглаживающих складки, но

быстро одернул себя. Пора приступить к задуманному.

— Вы не представляете, что значит для меня наша встреча, — сказал он, устраиваясь возле Эмили и глядя на пруд. — Я часто рисовал в своем воображении это место. И всегда рядом представлял вас. Когда я прочел ваши стихи, то понял. Вы должны любить это место, как и я.

Она, прищурившись, смотрела на поросшие травой берега и неглубокий округлой формы прудик:

— Хотите сказать, что мне удалось точно передать пейзаж, милорд? Вы уверены, что узнали именно это место из описания в моих стихах?

Граф проследил за ее взглядом, вспоминая дни своего одинокого отрочества, когда он убегал сюда, прячась от гнева хладнокровного тирана отца и от бесконечных укоров болезненной, вечно недомогающей матери.

— Да, мисс Фарингдон. Вы были очень точны.

— Здесь так красиво. Я часто прихожу сюда, чтобы посидеть в уединении, поразмыслить над своей поэмой «Таинственная леди». А теперь, когда я знаю, что и вы имели обыкновение приходить сюда, это место значит для меня еще больше.

— Вы мне льстите.

— Я говорю правду. Странно... — Она повернулась к нему, с самым глубокомысленным видом сдвинув брови. — Прочитав ваше первое письмо, я сразу почувствовала: вы мне очень близки. Это просто чудесный подарок судьбы, что мы обре-

ли друг друга в нашей переписке.

– Просто восхитительный подарок судьбы. Саймон подумал о том, сколько долгих недель он ломал голову в поисках наилучшего подхода к мисс Фарингдон. Письмо, написанное ей под предлогом, что он наслышан о ее увлечении поэзией, показалось в конце концов самым быстрым и легким способом вновь ступить на порог Сент-Клер-Холла.

– Я поняла из первого же вашего послания, что вы удивительный человек, милорд.

– Это я был поражен, поняв, что переписываюсь с необыкновенной женщиной. – Саймон галантно поднес к губам ее руку и поцеловал.

Эмили задумчиво улыбнулась.

– Я так долго мечтала об взаимоотношениях, подобных нашим, – призналась она.

Он метнул на нее оценивающий взгляд... Эта женщина уже почти влюбилась в него. В очередной раз Саймон хлопнул дверь перед назойливым чувством вины, которое билось где-то в глубине его души.

– Мисс Фарингдон, а какими вы видите наши взаимоотношения?

Она покраснела, ее глаза засверкали воодушевлением.

– Очень чистыми, милорд. Скажем, отношениями более высокого порядка, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Более высокого порядка?

– Да. Наши отношения видятся мне чисто интеллектуаль-

ными. Отношения, которые существуют уже в метафизическом мире. Дружба, основанная на родстве душ и взаимопонимании. Иными словами, духовное общение, милорд. Союз, не омраченный низменными помыслами и соображениями. Наши чувства иного – высшего – порядка...

– Вот черт! – не выдержал Саймон.

– Милорд? – Она взглянула на него с таким невинным удивлением, что ему вдруг захотелось ее встряхнуть.

Неужели в жизни она столь же наивна, сколь и в своих стихах? В конце концов, ей уже двадцать четыре, да и в прошлом у нее то самое пикантное приключение, о котором упоминали Гиллингемы.

– Боюсь, вы переоценили степень моего благородства, мисс Фарингдон, – заговорил он, забыв о галантности. – Я приехал в Хэмпшир вовсе не затем, чтобы возвращать призрачные метафизические отношения с вами.

Сияние ее глаз мгновенно померкло.

– Простите, милорд?

Саймон стиснул зубы и снова взял ее за руку:

– Я приехал сюда с более прозаической целью, мисс Фарингдон.

– И с какой же, милорд?

– Я здесь, чтобы просить вашей руки.

Последовавшая реакция была совсем иной, нежели можно было ожидать от старой девы с далеко не безупречным прошлым, которой следовало, конечно же, прийти в неопи-

суемый восторг, услышав о намерениях графа говорить с ее отцом о предстоящем браке.

– Черт подери! – выпалила Эмили.

Саймон окончательно потерял терпение с этой странной особой, которая сидела сейчас с ним рядом.

– Ну все, хватит, – заявил он. – Сдается мне, мисс Фарингдон, что самое время найти верное средство прекратить романтические бредни о любви на метафизическом уровне, которыми вы пичкали себя все эти месяцы.

– Милорд, о чем вы?

– Ну как же, разумеется, о пылких чувствах, мисс Фарингдон. – Он рывком притянул ее к себе и крепко обнял. – Чрезвычайно любопытно посмотреть, действительно ли вы к ним так уж стремитесь.

Глава 3

Эмили ошеломленно замерла в его сильных руках. Прошло пять лет с того дня, как она оказалась с мужчиной в столь же недопустимой близости. А то, что теперь рядом с ней не кто иной, как Саймон, было просто выше ее понимания. Его она считала лишь спутником в мире философии, благородным, возвышенным и чутким другом, товарищем по духу и единомышленником.

Лишь глубокой ночью в своих самых сокровенных мечтах она осмеливалась представлять его своим возлюбленным из плоти и крови.

– Ох, Саймон! – выдохнула она, не сводя с него глаз, полных изумления и непреодолимого влечения, заставлявшего ее трепетать в его объятиях.

Он не ответил – в золотистых глазах бушевало пламя, которое во всяком другом мужчине испугало бы ее. В этом взгляде, пожалуй, читалось больше беспокойного нетерпения, чем нежности. Все так, но, может, виной всему ее воображение?

Не произнося ни слова, он снял с нее очки, шляпку и положил их на валун. Наконец его губы медленно и неотвратимо приблизились к ее губам; Эмили забыла обо всем на свете, кроме его крепкого, властного поцелуя.

Поцелуй был именно таким, каким она представляла его

в тишине глубоких бессонных ночей, когда разрешала себе предаваться несбыточным мечтаниям.

По правде говоря, это было даже лучше, чем она воображала. Она не могла бы представить себе в полной мере этого ощущения его губ на своих губах, потому что никогда еще не испытывала ничего подобного. Это совершенно не походило на те поцелуи пять лет назад. Прикосновения рук Саймона, обнимавших ее и его обжигающие губы вдребезги разбили хрупкие романтические иллюзии, какими Эмили жила до сих пор, и в одно мгновение открыли ей, что такое подлинная страсть.

Рука Саймона, обвивающая ее талию, медленно заскользила вверх, к ее груди. Эмили смутно чувствовала, что следовало бы немедленно остановить его, но была не в силах... Ее обнимал ТраэРН – человек, которого она почти боготворила, которого любила издали любовью светлой и чистой... Мужчина ее мечты...

И вдруг в ослепительный миг чувственного озарения Эмили поняла, что Саймон ответил на ее любовь. Свершилось чудо, и все остальное казалось уже неважным.

Пальцы Саймона продолжали свое путешествие по лифу ее амазонки, пока маленькая грудь Эмили не заполнила своей мягкой тяжестью мужскую ладонь. Эмили услышала его стон, когда он нежно провел пальцем по плавному изгибу груди. Ее сосок вдруг болезненно напрягся под тяжелой тканью. Эмили задрожала, и ладонь Саймона властно обхвати-

ла ее грудь.

– Иди ко мне, эльф, – произнес Саймон низким хриплым голосом, притягивая ее к себе.

Его сила могла бы испугать Эмили, но она совсем не боялась. Ведь это ее дракон, и она была с ним в безопасности.

Ее ладони легли на его грудь и пальцы крепко сжали ткань сюртука. Как приятно пахнет, мелькнула у нее мысль. Удивительное сочетание запахов кожи, лошади и мужского тела. Сладкий дурман затягивал ее, все теснее становились объятия.

– Приоткрой губы, – мягко потребовал Саймон.

Эмили инстинктивно подчинилась, и язык Саймона дерзко скользнул ей в рот. Девушка потрясенно задохнулась и отпрянула. Она внезапно ощутила тяжелую выпуклость естества мужчины на своем бедре и почувствовала, что у нее ярко зарозовели щеки.

– Боже, Эмили...

Все вокруг, казалось, замерло. Она едва могла дышать, не то что говорить.

– Эмили, откройте глаза и посмотрите на меня.

Как во сне Эмили подняла ресницы и увидела словно высеченное из камня лицо Саймона. Оно было совсем близко, и девушка могла разглядеть каждую его черточку даже без очков. Мерцающий огонь в его глазах, растопивший их былую холодность, заморозил ее. Теперь в этом прекрасном искрящемся взгляде горело пламя, буйное пламя мужского жела-

ния, сдерживаемого жесткой волей.

– Дракон, – тихо прошептала она, касаясь пальцами его твердой щеки. – Мой золотоглазый дракон.

Он посмотрел на нее с легким прищуром и проговорил:

– У дракона опасная репутация, особенно касаясь юных девиц.

Она мягко улыбнулась ему:

– Бесплезно изрыгать огонь и дым, пытаясь напугать меня, милорд. С вами я в полной безопасности.

– Почему вы так уверены?

– Я очень хорошо знаю вас. Ваши письма я читала и перечитывала. И все же, признаться, не могу окончательно поверить, что это происходит на самом деле...

– И я тоже. – Он резко изменил позу, так что она выскользнула из его объятий, провел рукой по своим темным волосам. – Боже, видимо, я потерял рассудок.

– Я понимаю, о чем вы. По-моему, поэты называют это сладким буйством чувств. Захватывающе, не правда ли? – Эмили выпрямилась. Немного смущенная и потрясенная, она ощущала себя счастливой.

– Захватывающе – это только одно из определений. Могу предложить парочку других.

– Например?

– Глупо.

Эмили нахмурилась от его мрачно-иронического тона и стала на ощупь искать очки.

– Что-то не так, милорд?

Саймон отодвинулся, и теперь она не могла как следует разглядеть выражение его глаз.

– Вот, возьмите. – Он подал ей очки.

Она надела их и сразу же увидела, что граф заметно по-мрачнел.

– Что-то не так? Что же, милорд?

Он искоса бросил на нее насмешливый взгляд:

– После того что едва не случилось минуту назад, вы меня еще и спрашиваете?

Эмили, склонив голову набок, внимательно его рассматривала.

– Вы меня поцеловали. Это было чудесно! И что здесь не так?

– Проклятье!.. Еще пять минут – и мы бы... О черт!

– Еще пять минут – и нас бы «унесло к берегам любви, златым, манящим, чудным»?

– О боже! Сейчас не время для поэтических эвфемизмов. – Саймон уставился на зеркальную гладь пруда. И вдруг его губы изогнулись в лукавой усмешке. – «Унесло к берегам любви, златым, манящим, чудным»? Из какого же стихотворения вы выкопали эту строчку?

– Сама сочинила, – заявила Эмили не без гордости. – Это строка из той самой поэмы, «Таинственная леди». Я еще не подыскала выразительную рифму к «чудным».

– А «занудным» не подойдет?

Она улыбнулась:

– Снова вы меня дразните. Скажите честно, сэр: вам нравится эта строка?

Он поглядел на нее через плечо – в его золотых глазах заплясали искорки... Хорошо, если бы страсти, но Эмили боялась, что это лишь искорки смеха.

– Очень удачное выражение, мисс Фарингдон. Идите ко мне...

Она вернулась в его объятия, но на сей раз он лишь нежно поцеловал ее в лоб, потом в кончик носа и мягко отстранил от себя:

– А теперь, мисс Фарингдон, я собираюсь сообщить вам нечто чрезвычайно важное.

– Да, милорд?

– Отныне всякий раз, как только для нас возникнет опасность унести к манящим золатым берегам любви, я требую, чтобы вы давали мне пощечину. Вы меня поняли?

Эмили потрясенно посмотрела на графа:

– Я этого делать не буду.

– Нет, сделаете, если у вас есть хоть капля здравого смысла...

– Вы не переступите границ порядочности, милорд.

– Я их уже давно переступил, – процедил он сквозь зубы, мрачней на глазах.

– Дело в том, милорд... – Она озабоченно нахмурилась. – Мне кажется, в подобных ситуациях мы не можем положить-

ся на мой здравый смысл. Похоже, в таких делах у меня его не слишком-то много. Так что придется нам полагаться на ваше чувство чести и порядочности. Не тревожьтесь, милорд, я уверена, вы всегда будете знать, когда следует остановиться.

– Что вы имели в виду, утверждая, что у вас не слишком много здравого смысла в подобных делах?

– Ничего, совершенно ничего, – поспешно проговорила Эмили, не желая обсуждать ту неприятную историю без особой необходимости. Ведь как только Саймон узнает, что случилось с ней в девятнадцать лет, он, конечно же, прекратит все эти чудесные разговоры о любви. – Просто моя семья считает, что на меня очень дурно влияет увлечение романтической литературой, – без особого энтузиазма пояснила девушка.

– И она действительно на вас повлияла? – Взгляд его золотистых глаз казался непроницаемым.

Эмили покраснела и опустила взор, словно ее заинтересовал безупречно повязанный галстук графа, который, кстати, ничуть не сбился при недавнем проявлении буйных чувств.

– Попробуйте сами ответить на свой вопрос, милорд. Вы, несомненно, знаете меня лучше, чем кто бы то ни было.

– Благодаря вашим письмам?... – Саймон мягко приподнял подбородок Эмили, заставив взглянуть ему в глаза. – Пожалуй, вы правы. Я не ошибся в своих предположениях: вы непонятая молодая женщина. Но вы ошибаетесь, полагая,

что знаете обо мне столько же, сколько я о вас.

– Я ни минуты не сомневаюсь в своей правоте, милорд. – Эмили с серьезным видом взглянула на графа. – В переписке мы с вами обрели поистине идеальную интеллектуальную и духовную связь. Уверена, что эта связь – связь более высокого порядка – приведет нас к истинному пониманию...

– Довольно, – резко прервал он. – Мисс Фарингдон, глупо полагаться на благоразумие мужчины там, где речь идет о страсти.

Она безмятежно улыбнулась:

– Только не в нашем случае. Я доверяю вам всецело.

– Черт! – Саймон покачал головой и отпустил ее подбородок. – Видимо, ваша семья права. Полное отсутствие здравого смысла... Так, значит, вы не против риска любовной игры?

Она слегка пожала плечами:

– У меня в роду много азартных игроков, сэр. Это в крови.

– И как же часто вы рисковали подобным образом?

Эмили окинула взглядом пруд, тщательно подыскивая слова. Гордость требовала от нее честности, но мысль, что вся идиллия безвозвратно исчезнет, если она поведаст ему свою историю, была невыносимой.

– Я еще никогда не любила. По-настоящему. Теперь я это знаю. Однажды, очень давно, я думала, что люблю, но, увы, ошиблась. С тех пор я не встречала никого, с кем бы мне захотелось рискнуть.

– Любопытно. Она с трудом повернула голову – граф наблюдал за ней холодно и оценивающе.

– Милорд?

Он что-то пробормотал себе под нос и поднялся:

– Не обращайтесь внимания. Верно, я утратил четкость мысли. Следствие опасного приближения к золотым манящим берегам... Идемте же. Я провожу вас, пока взору нашему не откроется Сент-Клер-Холл.

– Я опять сказала что-то не то, милорд?

– Ни в коей мере. Думается, теперь между нами все пойдет гладко. Просто мне хотелось получить определенные сведения, прежде чем действовать. И кажется, я их получил.

– Я понимаю вас. Очень мудро. – Эмили с облегчением улыбнулась ему, совсем не заботясь о том, что глаза выдают ее чувства. Она ясно осознавала: будущего у них нет, но есть настоящее, и она собиралась насладиться им в полной мере. – В последнем письме вы признались, что мои стихи о треснувших вазах и разбитых сердцах произвели на вас сильное впечатление.

Его губы тронула улыбка. Граф взял Эмили за руку и повел к лошадям.

– Да, весьма сильное впечатление, мисс Фарингдон.

– Что ж, мне очень приятно, – бодро сказала Эмили. – А вот мистера Паунда, книготорговца и издателя, к сожалению, нет. С утренней почтой я получила от него еще один безжалостный отказ.

– У мистера Паунда явно еще меньше вкуса, чем у критиков из «Эдинбургского обозрения».

– Совершенно верно. – Со смехом проговорила Эмили и опять замолчала, испытав острое чувство вины. Наверное, все-таки следует предупредить его о неизбежности разочарования. – Милорд?

– Да, мисс Фарингдон? – Саймон отвязывал ее лошадь.

– Вы действительно приехали сюда просить у отца моей руки?

– Да, мисс Фарингдон. – Он легко подсадил ее в седло.

Она коснулась его руки, соскользнувшей с ее талии. На глаза навернулись слезы.

– Это совершенно невозможно, как вы сами скоро поймете... Но вы должны знать, я буду вечно благодарна вам за чудесные мгновения. Я на всю жизнь сохраню в моем сердце память о них.

– Я не понимаю... – Саймон, нахмурившись, взглянул на девушку.

Эмили не могла более оставаться с Траэрном. Сейчас он непременно спросит о причине ее слез. Слегка сжав бока своей серой кобылы, она быстро развернулась и поскакала прочь к дороге на Сент-Клер-Холл.

Ледяной ветер смахнул капли слез с ее щек.

Саймон нашел в себе силы сдерживать обуревавшее его любопытство до тех пор, пока леди Гиллингем, как все-

гда изысканно-томная, не поднялась из-за стола, оставив джентльменов за традиционным послеобеденным портвейном.

Как только хозяйка удалилась, оба джентльмена сразу же отбросили церемонии. Откинувшись на стульях и вытянув под столом ноги, они взялись за свои бокалы. Лорд Гиллингем зажег сигару.

Саймон готовился сделать то, чем добропорядочные джентльмены грешили с незапамятных времен: обсудить некую леди за бутылкой доброго вина. Он дожидался лишь удобного момента, и момент этот, разумеется, не замедлил наступить. Гиллингему, успевшему изрядно угоститься кларетом во время обеда, не терпелось поболтать.

– Ну и как вам наше литературное общество? – поинтересовался он, щурясь сквозь сизые клубы сигарного дыма.

– Довольно любопытно. – Саймон покрутил в руке хрустальный бокал, наблюдая за игрой света на его гранях. – Страсть к новой романтической поэзии явно распространилась за пределы Лондона. По крайней мере среди женщин.

– Даже не знаю, чего ждать, – вздохнул лорд Гиллингем, покачивая головой. – Вся эта романтическая чепуха, без сомнения, очень дурно повлияет на дам.

– Только не на почтенных дам Литл-Дипингтона.

– Ну, за тех, кто постарше, вроде наших сестер Инглбрайт, опасаться не стоит, но что касается леди помоложе, все это, определенно, никуда не годится.

– Беспокойтесь за таких, как мисс Фарингдон? – мягко уточнил Саймон.

– Чертовы поэтические бредни, они совсем погубили бедную девочку. Жаль. Но впрочем, вряд ли могло произойти иначе, ведь она росла в этом гнезде никчемных мотов и картежников. Вопрос времени... А после смерти матушки беда стала неизбежной.

– Насколько мне известно, ее мать умерла шесть лет назад?

– Славная была женщина. И красивая. Все эти вертопрахи Фарингдоны чертовски смазливы – что сильный пол, что слабый. Кроме разве что мисс Эмили. Эти ее рыжие волосы и веснушки как-то не очень... Да еще и очки. Может, ей и удалось бы на время светского сезона скрыть некоторые свои недостатки, да вот беда – девчонка так ни на один и не попала.

– Из-за смерти матери?

– А потом случилась эта нехорошая история, – грустно пояснил Гиллингем.

– И насколько же она была нехороша? – осторожно осведомился граф. Пришло время выяснить все грязные подробности этого дела.

– Весьма неприглядна, если верить ее отцу. Бедная крошка.

– Это случилось пять лет назад? – закинул удочку Саймон.

– Где-то так. Мисс Фарингдон тогда исполнилось девят-

надцать. Она с год как потеряла матушку. Ее чертов отец и шалопаи братцы где-то шатались, бросая ее одну в громадном доме. Фарингдона долго не удержишь вдали от карточных столов. В общем, юная леди была предоставлена самой себе.

В доме никого, кроме слуг. Конечно же, она чувствовала себя очень одиноко. Даже посоветоваться не с кем. Бедняжка была обречена на несчастье.

Саймон не спеша взял бутылку и доверху наполнил бокал хозяина дома:

– И оно разразилось?

– Несчастье-то? Не замедлило. Разумеется, в виде молодого негодяя. Обычное дело, не правда ли?

– Да.

Саймон с невозмутимым видом тянул свой портвейн и удивлялся, отчего ему вдруг захотелось прервать беседу. Он уже догадывался, чем закончится история, и больше не желал об этом слушать. Но он давно уверился, что информация любого рода может оказаться весьма полезной, особенно когда разрабатываешь план мщения.

– Этот молодой человек... он по-прежнему живет в здешних краях?

– Эшбрук? Да нет же, черт бы его побрал. Его после тех событий не видели. Я слышал, пару лет назад он получил титул. Барон теперь. И поэт. Пошатаешься чуть подольше по гостиным Лондона – непременно наткнешься на него или

его поклонниц. Вы, определенно, встречали барона на каком-нибудь модном сборище. От него сейчас все просто с ума сходят.

Пальцы Саймона непроизвольно сжали бокал. Он незаметно расслабил их, опасаясь, как бы тонкий хрусталь не хрустнул в его руке.

При упоминании имени лорда Эшбрука он вдруг отчетливо вспомнил пять пар обвиняющих женских глаз, когда он в разговоре небрежно затронул последний опус этого поэта. Он поморщился при мысли о своей оплошности:

– Так, значит, не кто иной, как Эшбрук, погубил Эм... то есть мисс Фарингдон?

– Уговорил сбежать с ним... Печальная история.

– Тайный побег к венцу?

– Бедняжка мисс Фарингдон считала, что так. Но лично я сомневаюсь, что у Эшбрука были хоть какие-то намерения жениться. Фарингдон настиг их на следующий день, и говорят, будто Эшбрук так и не предстал перед разъяренным отцом. Но урон чести юной леди, конечно, уже был нанесен. Парочка провела ночь в гостинице, Фарингдон мне сказал это по секрету.

– Понятно.

– Очень жаль. Эмили славная крошка. У нас стараются не упоминать об этой истории. Я бы просил вас тоже особо не распространяться, сэр.

– Разумеется.

Перед Саймоном вдруг возникло лицо Эмили, в отчаянии пытавшейся объяснить ему, что просить ее руки для него совершенно невозможно. Она явно, как и все прочие, считала, что погибла в глазах света. Самое большее, на что ей теперь оставалось надеяться, – это чистая, благородная, интеллектуальная связь, возможная лишь в переписке. Неудивительно, что она пришла в такое смятение, увидев вдруг перед собой своего героя.

Саймон припомнил, что он встречал Эшбрука на балах в Лондоне. Тот прилагал немало усилий для создания образа эдакого уставшего от жизни скептика. Дамы, порхавшие вокруг, явно находили его таинственность обворожительной. Не секрет, что они видели в нем воплощение нового романтического стиля, ставшего модным благодаря лорду Байрону.

– Почему Фарингдон не заставил Эшбрука жениться на своей дочери? – спросил Саймон.

– Полагаю, он предпринимал такие попытки, но Эшбрук, очевидно, отказался. Не так-то просто заставить мужчину жениться, знаете ли. Конечно, дело чести и все такое прочее, но... К тому же у Фарингдона не слишком большой вес в обществе. Настоящего-то положения у него нет. Бродерик Фарингдон, кажется, потомок какого-то обнищавшего барона из Нортумберленда.

– Значит, Фарингдон смирился.

– Боюсь, да. У нашей маленькой мисс Фарингдон не бы-

ло ни внешности, а в то время и приданого, чтобы вызвать у Эшбрука интерес к законному союзу. Молодой негодяй просто играл ее чувствами, и крошка поплатилась за свое неблагодарное, как это частенько случается с юными леди...

Саймон разглядывал свой бокал:

– Меня удивляет, что ни сам Бродерик Фарингдон, ни близнецы даже не попытались вызвать Эшбрука на дуэль.

– Фарингдоны рискуют лишь за карточным столом, иное дело – подставлять свою шею...

– Ясно.

– В общем, очень жаль девочку, – заключил Гиллингем, сделав глоток портвейна. – Спасибо добрым леди из литературного общества!..

Саймон поднял глаза:

– Что вы сказали?

– Компания скучноватая, но весьма и весьма почтенная. Они тогда сплотились и приняли в свой круг мисс Фарингдон, ясно дав всем понять, что не собираются порывать с ней, даже если свет сочтет ее репутацию загубленной. Поэтому, они там все ей втайне завидуют. Она внесла некоторое оживление в их однообразную жизнь.

Саймон оценил это весьма проницательное замечание. Интересно, известно ли Гиллингему, что Эмили отблагодарила своих покровительниц, обеспечив им к старости неплохую пенсию?

– Итак, мисс Фарингдон не вышла замуж из-за этого скан-

дала. Однако мне не верится, что поблизости не оказалось никого, кто, пренебрегая мнением света, просил бы ее руки. Девушка весьма привлекательна.

– Да нашелся один таков – Прендергаст, – задумчиво произнес Гиллингем.

Саймон нахмурился:

– Кто он, этот Прендергаст?

– Из землевладельцев. У него обширные угодья в здешних местах. Год назад похоронил жену. Так вот, он дал понять, что готов закрыть глаза на досадную страницу в биографии мисс Фарингдон. Конечно, он далеко не предмет мечтаний юных дев, но и мисс Фарингдон юной уже не назовешь. Да и выбора у нее особого не предвидится.

Несколькими часами позже Саймон оставил безуспешные попытки заснуть. Он отбросил тяжелое одеяло, выбрался из постели, оделся и, подхватив пальто, вышел в холл. С того момента, как он поднялся в свою спальню, пожелав спокойной ночи хозяевам, его не переставали терзать сомнения. Прогулка должна помочь ему успокоиться.

В доме царили темнота и прохлада. Саймон подумал, не зажечь ли свечу, но потом решил обойтись без света. Он всегда обладал способностью видеть ночью.

Граф бесшумно спустился по устланной коврами лестнице, миновал коридор, ведущий в кухню; еще мгновение – и он шагнул в морозную темную ночь.

Отыскать дорогу в Сент-Клер-Холл через освещенный лунной лес оказалось просто. Годы прошли с тех пор, как он последний раз ступал по родной земле, но эту дорогу не забыл.

Через десять минут Саймон уже шел по длинной подъездной аллее к дому, прислушиваясь к легкому хрусту мерзлой земли под сапогами. Приблизившись к изящной лестнице, он замедлил шаг, затем повернулся и направился через сад к боковому крылу здания. С изумлением он увидел свет, горевший в окне библиотеки.

Сердце его сжалось. Так же ярко горел свет и в ту ночь двадцать три года назад, когда он ворвался в библиотеку и обнаружил своего отца, уткнувшегося лицом в письменный стол, залитый кровью.

Теперь Саймон знал, что привело его в эту ночь к библиотеке. Он хотел убедиться, не витает ли еще дух его несчастного отца около того старинного стола красного дерева.

Глубоко в подсознании Саймон почти ждал, что увидит пистолет, по-прежнему зажатый в мертвой руке графа, кровь, разорванную плоть, и что-то серое, разбрызганное по стене позади кресла. Долгие годы его не отпускало это жуткое видение.

Но вместо призрака человека, который потерял все и предпочел трусливо сбежать в небытие, оставив двенадцатилетнего сына одного справляться с бедой, Саймон увидел Эмили.

Она примостилась на краешке большого кресла, усердно

склонившись над огромным письменным столом, и казалась такой маленькой и воздушной... В пламени свечей ее рыжие волосы блестели не меньше, чем атласные бока красавца Лапсанга под лучами солнца.

На ней был милый кружевной чепчик и скромный халатик с оборками вокруг шеи. Она сидела скрестив под креслом ножки, обутые в мягкие атласные ночные туфельки, и деловито строчила что-то гусиным пером в толстой тетради.

Саймону пришло в голову, что такое романтическое создание, как Эмили, непременно ведет дневник. А если так, то нет сомнений, что он, Саймон, – один из главных персонажей ее сегодняшней записи. Или она сочиняет новые строфы своей «Таинственной леди»?

Он еще несколько минут смотрел на нее, убеждая себя, что пора уходить. Однако не шевельнулся, пока Эмили наконец не отложила перо. Потом она взяла свечу, чтобы посветить себе на лестнице, и вышла из комнаты.

Теперь в библиотеке воцарилась темнота.

Саймон вдруг очнулся, понял, что по-прежнему стоит и смотрит в окутанную мраком комнату, и усилием воли заставил себя оторваться от окна и вернуться к Гиллингемам.

Он так и не увидел того, ради чего приходил сюда. Дух отца, обитавший в библиотеке, был изгнан рыжеволосой зеленоглазой Титанией, восседавшей за их старинным письменным столом.

Всю следующую неделю Эмили словно витала в облаках.

Никогда еще стихи не давались ей так легко. Все, к чему бы она ни прикоснулась и что бы она ни увидела, вызывало у нее прилив вдохновения. Особенно Саймон. А с ним Эмили виделась часто.

Она понимала, что облако, на котором она в восторге качается, скоро будет развеяно ветром и она больно ударится, упав на землю. Но Эмили решила наслаждаться своим полетом как можно дольше. Она буквально впитывала в себя новые дивные ощущения, словно для того, чтобы их хватило на всю жизнь.

Эмили была влюблена, и предмет ее страсти неизменно оказывался всюду, где бы она ни появлялась эту неделю.

В субботу вечером она встретила Саймона у Хаттерсейгов, за карточным столом. Он был ее партнером в висте, и они выиграли.

В понедельник днем он посетил музыкальный час Сьюардов. Эмили обменялась с ним тайным смеющимся взглядом, когда младшая дочь Сьюардов сбилась в «Дивертисменте» Моцарта. Когда та закончила, они ей так отчаянно хлопали, что покрасневшая девочка согласилась сыграть на бис.

Саймон прогуливался в поселке, когда Эмили пришла туда за покупками. И он остановился поболтать с ней.

Он оказывался на дороге к Сент-Клер-Холлу всякий раз, когда Эмили выезжала на верховую прогулку.

В конце недели Саймон неожиданно возник у ворот садика викария, как раз когда Эмили прощалась с миссис Лид-

лоу, женой викария. Граф был верхом на любимом гнедом жеребце. С должной любезностью поприветствовав миссис Лидлоу, он спешил и довольно долго беседовал с обеими дамами.

Наконец он отвесил прощальный поклон и вскочил в седло, но еще на мгновение задержался и улыбнулся Эмили.

– Надеюсь, вы подарите мне танец на завтрашнем балу у Гиллингемов, мисс Фарингдон? – сказал он, натягивая поводья.

– Да, конечно, – задохнувшись, ответила она.

Первый раз она будет танцевать с ним, думала Эмили, глядя, как возлюбленный скачет вдаль по лесной дорожке. Она с трудом сдержала волнение.

– Так-так... – пробормотала жена викария с понимающей улыбкой. – Блэйд вызывает к вам явный интерес, молодая леди.

Эмили покраснела, с ужасом представив себе, о чем размышляет сейчас миссис Лидлоу. Жена викария была доброй женщиной и, несомненно, жалела Эмили, так как никто в округе не сомневался: рано или поздно Блэйд узнает о той истории и его ухаживаниям за Эмили придет конец.

– Граф очень любезен, – вяло отозвалась Эмили. Следующее замечание миссис Лидлоу удивило ее.

– Одно время его семья жила здесь, – задумчиво произнесла миссис Лидлоу. – Более двадцати лет назад, по-моему.

Эмили ждала мягкого предостережения, что не следует

давать графу повода думать, будто любезность с его стороны может перерасти в нечто большее, и теперь она растерянно заморгала.

– Мисс Инглбрайт тоже говорила...

– Мальчик с матерью уехали, когда его отец умер... Такая грустная история. – Миссис Лидлоу, похоже, собиралась сообщить что-то еще, но вдруг передумала. Она решительно тряхнула головой. – Не важно, милая. Все это было много лет назад и теперь уже не имеет значения. Ну что, Эмили, завтра вы наденете свое лучшее платье, верно?

Мисс Фарингдон улыбнулась, решив, что настало время для чтения морали и предостережений и произнесла с легким вызовом:

– Да, я собираюсь.

– Замечательно. Молодежь должна веселиться. Ну что ж, до свидания, милая. И я не сомневаюсь: бедняки Литл-Дипингтона будут очень благодарны за одежду, которую вы сегодня принесли для них.

Так, значит, на сей раз обойдется без нравоучений? Эмили облегченно вздохнула и вернулась туда, где привязала свою лошадь. И все же поведение соседки ее озадачило. Похоже, никто и не собирался предостерегать ее от флирта с графом. И видимо, никто пока не счел своим долгом предупредить Блэйда о ее запятнанной репутации.

Эмили начинала подумывать, уж не надеются ли в самом деле почтенные обитатели Литл-Дипингтона на счастливое

завершение ее романа? Однако рано или поздно кто-нибудь точно поведает графу кое о чем интересном...

Когда Саймон появился Розовом коттедже в следующий четверг, Эмили окончательно поняла, что дело заходит до неприличия далеко. Она понимала: нельзя позволять графу так открыто ухаживать за ней. Ведь все настолько безнадежно!

Чувство вины охватило ее с новой силой. Больше тянуть нельзя! Скандал разразится рано или поздно. И если никто не собирается открывать ему неприглядную правду, она сделает это сама. Еще никогда и ничего эта решительная леди не боялась так, как этого момента признания. Но ведь ей с самого начала было ясно, напомнила она себе, что ее любовь к графу Блэйдю обречена. Пора опустить занавес в этой романтической пьесе.

Глава 4

Эмили заканчивала шотландский рил, осознавая, что смеется чересчур весело и что щеки у нее слишком уж покраснелись. Эта преувеличенная веселость... Эмили отчаянно храбрилась перед решающим объяснением.

Совесть не позволяла ей откладывать далее разговор с Саймоном.

Вечером, собираясь на бал к Гиллингемам, она поклялась себе без дальнейших проволочек рассказать ему обо всем. Как бы ни привлекал ее мир собственных фантазий, она не могла жить в невыносимом ожидании, когда же падет топор. Ей нужно сделать решительный шаг. Рано или поздно Саймон обнаружит истину и с отвращением отвернется от нее.

Эмили выбрала свой самый лучший наряд, сшитый местной модисткой. Она впервые надела это бледно-зеленое муслиновое платье, украшенное желтыми лентами и несколькими рядами пышных оборок. Лорнет благопристойно раскачивался на пришитой к пояску ленточке. Он был досадным неудобством, но очки Эмили надевать не стала.

Глубокое декольте и завышенная талия подчеркивали прелестную грудь. Эмили заказывала это платье в надежде, что оно хотя бы визуально придаст весомость ее скромным формам. Однако, примерив наряд сегодня вечером, она испугалась, что таким покроем только привлечет внимание к

своей худобе.

— И ничего подобного, — настаивала Лиззи, ее горничная, глядя на хозяйку восхищенными глазами. — Вы в нем вся такая воздушная...

Эмили хотелось надеяться, что девушка права. Сама она чувствовала себя сегодня не очень-то воздушной. Все внутри у нее наливалось свинцовой тяжестью, и тяжесть эта усиливалась с каждой минутой.

Небольшой бальный зал Гиллингемов был до отказа заполнен представителями местного дворянства, разодетыми в самые лучшие туалеты. Лорд и леди Гиллингем имели обыкновение в виде благородного жеста раза два в год принимать у себя своих знатных соседей. Пребывание Саймона в качестве именитого гостя в их доме как раз и послужило поводом для такого праздника. Угощали шампанским и сладостями.

Саймон привлек к себе и Эмили всеобщее внимание, протанцевав с ней первый танец. Эмили, благодаря отсутствию очков и окутывающей ее дымке романтического настроения, не замечала множества любопытных взглядов, которые, как она знала, устремились на них с графом. Саймон тоже их не замечал, но лишь потому, что мало интересовался мнением толпы.

Холодное самообладание Саймона казалось Эмили непробиваемым. Это ощущение внутренней силы и уверенности, которые являлись неотъемлемой частью его натуры, порой настораживало, но, несомненно, очень впечатляло.

Несколько мгновений Эмили глядела в лорнет, исподволь изучая толпу гостей, пока не обнаружила Саймона, беседующего с викарием. Блэйд, решила она, определенно, самый великолепный мужчина на сегодняшнем балу. Конечно, ее мнение было несколько предвзятым. Но в самом деле, нельзя же отрицать интригующей и где-то даже опасной привлекательности Саймона в его черно-белом одеянии среди многоцветия ярких фраков и жилетов, заполнивших комнату.

– Добрый вечер, мисс Фарингдон. Позвольте принести вам бокал лимонаду?

Эмили едва подавила стон досады, услышав такой неприятный для нее голос Элиаса Прендергаста. В бессилии она опустила лорнет – не было никакого желания разглядывать толстую красную физиономию с пышными бакенбардами.

Не требовались ни очки, ни лорнет и для того, чтобы заметить: дородный мистер Прендергаст ради сегодняшнего случая затянулся в корсет. Эмили слышала, как он поскрипывает при каждом движении мистера Прендергаста.

– Нет, благодарю вас, – пробормотала Эмили.

Если ей что-нибудь сейчас и нужно, так это бокал шампанского.

Когда Прендергаст придвинулся ближе, она раскрыла веер и принялась усиленно обмахиваться. Судя по тому, как пахло от этого типа, он явно не утруждал себя принятием ванны перед балом. Прендергаст придерживался старых правил и питал недоверие к новой моде часто пользоваться во-

дой и мылом. Вместо этого он явно предпочитал обильно поливать себя духами.

– Собираюсь заглянуть к вам, мисс Фарингдон, ибо я уже больше не в трауре, – начал Прендергаст многозначительно. – Нам ведь есть о чем поговорить.

Эмили вежливо улыбнулась:

– Боюсь, это было бы не совсем удобно, сэр. Вы, конечно, подождете, пока мой отец не вернется домой.

– Вот то-то и оно, – сказал Прендергаст с явным раздражением. – Ваш отец не слишком много времени проводит здесь, в провинции. И не угадаешь, когда приедет, а?

– У него очень много дел в столице. Чудесный вечер, не правда ли? – Эмили описала веером грациозную дугу, словно желая охватить весь залитый огнями зал. – Впрочем, леди Гиллингем всегда слыла великолепной хозяйкой.

Кустистые брови Прендергаста сошлись на переносице. Он прокашлялся. У Эмили упало сердце. Она с ужасом предчувствовала, о чем сейчас пойдет речь.

– Мисс Фарингдон, дорогая, я считаю себя в некотором роде вашим наставником, поскольку ваш отец отсутствует так подолгу, – зловеще начал Прендергаст. – А мне стало известно, что здесь появился гость, который последнее время довольно часто видится с вами.

– Просто поразительно! Никогда бы не поверила, что вы обращаете внимание на местные сплетни. Должно быть, следить за ними весьма утомительное занятие.

Прендергаст гневно фыркнул и устрашающе покраснел. Как все знали, усопшая миссис Прендергаст при жизни была тихой, скромной мышкой, которая и помыслить не могла о том, чтобы позволить себе столь бесцеремонное замечание.

– Ну вот что, юная леди. Мне слишком хорошо известно, как легко вскружить женскую головку романтическим вниманием, подобным тому, что Блэйд уделяет вам, если вы, конечно, позвольте мне заметить.

– Нет, сэр, не позволю.

Улыбка Эмили становилась все более ослепительной и колючей, по мере того как в ней разгорался гнев. Прендергаст намеревается омрачить то недолгое время, которое оставалось у нее с Саймоном.

На тяжелом лице Прендергаста застыло предвестие надвигающейся грозы, что Эмили прекрасно видела и без очков.

– Я говорю исключительно из глубокой тревоги за вашу репутацию, мисс Фарингдон.

– Всем известно, сэр, что моя репутация безвозвратно погублена. Вам не стоит о ней тревожиться.

– Ну-ну, можно ли быть к себе столь суровой, – смиловился Прендергаст. – Конечно, в прошлом у вас имел место некий скандал. Но вы тогда были совсем молодой и по неопытности совершили ошибку. С молоденькими девушками такое случается. Будучи человеком широких взглядов и не без некоторого опыта в обращении с восторженными осо-

бами, я готов закрыть глаза на то досадное происшествие.

– Как любезно с вашей стороны, сэр.

– Да-да, именно. От Блэйда, конечно, такого не дождешься. Ему надо помнить о фамильной чести и титуле, знаете ли.

Пальцы Эмили сжали веер.

– Прошу вас не утруждать себя дальнейшими советами, сэр.

Прендергаст выпрямился. Скрипя корсетом, он склонился к Эмили:

– Мисс Фарингдон, однажды вы уже поддались своим эмоциям и погубили себя в глазах общества. Вы ведь, конечно, не забыли урока, который вам преподала судьба?

– Уверяю вас, я ничего не забыла, – процедила Эмили сквозь зубы. – Но ваше внимание становится назойливым, сэр.

– Мисс Фарингдон, вы меня неправильно поняли. У меня самые честные намерения: помочь молодой леди найти достойный выход ее пылким чувствам. – Он схватил ее руку и стиснул в своих влажных мясистых ладонях.

– Прошу вас, сэр, освободите мою руку. – Эмили безуспешно попыталась выдернуть пальцы из его потных лап.

Прендергаст даже не обратил внимания на ее протест, его пальцы сжались сильнее, уже причиняя боль. Он придвинулся ближе. Эмили едва не лишилась чувств, ощутив скверное дыхание и густой запах духов. Наконец, новоявленный наставник доверительно понизив голос, произнес:

– Мисс Фарингдон, я вполне понимаю, как трудно столь темпераментной женщине, как вы, вынести необходимость подчиняться жестким правилам общества. Я убежден, вы будете гораздо более счастливы в замужестве. В освященной узами брака постели вы сможете дать полную волю тем порывам, которые вам теперь приходится сдерживать.

– Сэр, если вы не отпустите меня сию же секунду, я буду вынуждена прибегнуть к крайним мерам.

Но Прендергаст намеревался довести свою миссию до конца:

– Вам нужен мужчина, который способен справиться с вашей чрезмерной горячностью, моя дорогая. Уверяю вас, этот мужчина – я. Более того, скоро я навещу вашего отца и заявлю о своих намерениях.

– Нет! – выдохнула Эмили, придя в ужас от одной этой мысли.

– Поэтому, – продолжал Прендергаст, словно не слыша отказа, – я написал письмо вашему досточтимому родителю, где сообщил об опасности, которой вы себя подвергаете, и заверил его, что присмотрю за вами до тех пор, пока он не приедет, дабы оградить вас от домогательств Блэйда.

– Вам лучше заняться своими делами, сэр. Я не желаю, чтобы меня ограждали от ухаживаний графа.

– Он просто играет вашими чувствами, дорогая. Точь-в-точь как тот, другой негодяй пять лет назад.

У Эмили наконец лопнуло терпение. Она с треском сло-

жила веер и довольно резко опустила его на руку Прендергаста. Удар был нанесен с такой силой, что тонкие палочки хрустнули.

– Фью-ю! – Прендергаст быстро разжал пальцы, потирая тыльную сторону ладони. На его пухлых щеках запылали красные пятна. – Да, мисс Фарингдон, вы поистине страстная натура. Не могу дождаться, когда мы с вами обвенчаемся. Уверяю, я прекрасно с вами справлюсь!

– Не тратьте сил в ожидании этого знаменательного события, – посоветовал Саймон в своей хладнокровной мрачно-медлительной манере.

Подскочив, Эмили резко обернулась и увидела рядом с собой неизвестно откуда взявшегося графа и лучезарно улыбнулась ему. Он достаточно велик и свиреп, подумала она, и у него полон рот крепких белых зубов, причем явно его собственных, чего нельзя сказать о зубах Элиаса Прендергаста.

– Ах, милорд! – радостно воскликнула Эмили. – Надеюсь, вы хорошо проводите время?

– О да! Я подумал, что и вам это не помешает. – Он протянул даме бокал шампанского.

– Вы так проникательны, сэр! – Пальцы Эмили благодарно обхватили холодное стекло.

– Мисс Фарингдон предпочитает лимонад, – заявил Прендергаст.

– Ошибаетесь. – Эмили сделала глоток. – В настоящий момент мисс Фарингдон отдает явное предпочтение шампан-

скому.

Прендергаст злобно сверкнул глазами:

– Мы обсудим это после – в более удобное время, мисс Фарингдон.

– Обсудим что? Мой выбор в пользу шампанского? Уверю вас, здесь нечего обсуждать.

– Я говорил о другом, более важном предмете, – прошипел Прендергаст и заносчиво вскинул голову. – Прошу извинить, мне надо побеседовать с другом. – И удалился с величайшим достоинством, громко поскрипывая корсетом.

Эмили подавила вздох. Как ни отвратителен Прендергаст, он прав в одном: она не может больше обманывать Саймона. Она сделала еще глоток шампанского и подняла глаза на графа – тот стоял совсем близко и рассматривал ее со знакомой иронией в лучистых глазах.

– Похоже, у меня есть соперник, претендующий на вашу руку, – пробормотал Саймон.

Эмили быстро замотала головой, кудри ее запрыгали.

– Не обращайтесь на мистера Прендергаста. Он докучает мне с тех пор, как скончалась его жена. Саймон, я должна с вами поговорить.

– Я к вашим услугам.

– Нет, не здесь. Не сейчас. – Она огляделась, украдкой покосившись, не стоит ли кто-нибудь слишком близко. – Саймон, мне надо поговорить с вами наедине.

– Звучит многообещающе.

– Я вовсе не шучу, милорд. Право же, это очень-очень серьезно. Пожалуйста, когда я смогу увидаться с вами? Все зашло уже слишком далеко, и есть... – Эмили замолчала, поднесла к глазам лорнет, чтобы еще раз быстро оглядеться, и прибавила тихим, несчастным голосом: – Есть нечто, о чем мне следует вам рассказать.

– О.

– Было непростительно с моей стороны умолчать о некоторых весьма важных вещах...

– Вы меня пугаете, дорогая. Я чувствую себя персонажем романов издательства «Минерва Пресс». Кажется, я начинаю дрожать от «тяжкого ужаса перед неведомым».

– Милорд, вы прекрасно знаете: ничто не заставит вас дрожать от ужаса, – сердито проговорила Эмили. – Право же, мне и так трудно. И не дразните меня, пожалуйста.

– И в мыслях не было. Ну что ж, раз мне не позволено дрожать от ужаса, я соберу все свое мужество и встречусь с вами, чтобы выслушать сие леденящее душу признание. Как насчет вашей библиотеки, ну, скажем, в час ночи сегодня? К этому времени вы уже наверняка будете дома, а слуги уйдут спать.

Совершенно потрясенная, Эмили выронила лорнет:

– В библиотеке? Вы хотите пробраться в Сент-Клер-Холл? Сегодня ночью?

– Так вы сумеете оказаться в библиотеке одна?

– Ну да. Разумеется. Я часто работаю там, уже когда слуги

отправляются спать. — Она нахмурилась, вспомнив о некоторых затруднениях. — Мне придется отодвинуть для вас засов на входной двери.

— Не трудитесь. — Он пил шампанское, рассматривая прогуливающиеся в ожидании следующего танца пары. — Просто будьте в час ночи в вашей библиотеке. Я непременно приду.

Эмили подняла лорнет и взглядела в его лицо. Как обычно, она не смогла прочесть его мысли. Она находила восхитительным его умение полностью скрывать свою чувствительную, страстную натуру под этим холодно-отстраненным видом.

— Очень хорошо, милорд. Значит, в час.

Эмили была вынуждена признать, что, хотя вечер обещает завершиться ее разбитым сердцем, романтичность, с которой Саймон обставил их предстоящую последнюю и тайную встречу, была необычайно увлекательной. Но ведь в графе Блэйде все необыкновенно. Она запомнит их короткий роман на всю жизнь, и долгие годы нетленная память о нем будет вдохновлять ее творчество и питать мечты.

До часа ночи было еще далеко, а Эмили уже сидела за письменным столом красного дерева, неподвижно уставившись на графинчик с бренди.

Очки снова были на ней, но она собиралась их мгновенно сдернуть и спрятать в ящик стола, как только Саймон войдет.

Графинчик выглядел весьма заманчиво. В нем тепло по-

сверкивал янтарный напиток, а Эмили мерзла от волнения и долгого ожидания. Не плеснуть ли себе для храбрости?

Стрелки больших каминных часов передвигались так медленно, что Эмили начала беспокоиться, уж не остановились ли они вовсе. Рядом горели две свечи, только их пламя и освещало комнату. В камине лежали приготовленные на утро дрова, но Эмили не осмеливалась разжечь огонь. Кто-нибудь из прислуги заметит завтра прогоревшие угли, и все будут волноваться, что хозяйка слишком много работает. В комнате становилось довольно холодно.

Внезапно Эмили почувствовала, как по рукам у нее поползли мурашки от неожиданного порыва холодного ветра, налетевшего сзади. Она поежилась в своем халатике и, подумав, не распахнулось ли окно, хотела встать с кресла. В то же мгновение она ощутила в комнате чье-то присутствие. Схватив со стола нож для разрезания бумаг, она вскочила. Крик едва не вырвался из ее груди.

Однако большая рука твердо зажала ей рот, и Эмили оказалась прижатой к сильному мужскому телу.

Поняв, кто ее держит, она перестала сопротивляться.

– Я чувствовал бы себя гораздо более желанным гостем, если бы вы положили нож на место, – произнес Саймон, отнимая руку от ее рта. Он потушил свечу, которую держал в другой руке.

– Саймон! Черт подери! – Эмили отшвырнула нож и, повернувшись, сердито взглянула на него сквозь стекла оч-

ков. – Вы меня ужасно напугали. Откуда вы пришли? И как вам удалось так незаметно подкрасться? Я уже целую вечность смотрю на дверь.

Саймон расстегнул пальто и отступил в сторону, небрежно кивнув на секцию книжных полок, которая медленно и бесшумно поворачивалась, занимая свое привычное место в стене. Эмили успела увидеть темную пасть каменного провала позади полок с книгами, и глаза ее расширились от удивления.

– Потайной ход! Саймон, как замечательно! – Эмили метнулась мимо него к быстро исчезающему проему. Она так долго готовилась к своему признанию, но в одну минуту забыла обо всем перед лицом возможного приключения.

– Умерьте свой пыл, мисс Фарингдон. – Саймон, схватив ее за руку, заставил остановиться. – Вас раздавит шкафом. Он слишком тяжел, чтобы открывать его вручную. Нужно воспользоваться потайным рычагом.

– Потайным рычагом? Где он? Вот это да! Прямо как в одном из тех леденящих кровь романов «Минерва Пресс», о которых вы сегодня упоминали. Просто не верится. Подумать только, я прожила в доме почти всю жизнь и не знала этого секрета.

– Успокойтесь. – Явно забавляясь ее неумным восторгом, Саймон оглядывал комнату. Наконец он заметил графинчик с бренди. Блэйд бросил тяжелое пальто на стул. – Рычагов два, – пояснил он, подходя к маленькому столику.

– Два?

– Один в проходе за стеной, второй спрятан в самом шкафу. – Он налил два бокала. – Человек, построивший Сент-Клер-Холл, предусмотрел возможность мгновенного исчезновения.

– Но откуда вы узнали про потайной ход? – Эмили с сожалением смотрела на книжный шкаф: он вновь плотно стоял на месте.

– А вы еще не догадались? Странно. Мне известно про потайной ход, потому что я жил здесь.

В один миг забыв обо всем, Эмили резко повернулась к Блэйд. Тот непринужденно потягивал бренди. Эмили заметила, что Саймон переоделся. Вместо вечернего костюма на нем были обычные бриджи, сапоги и льняная рубашка. Он даже галстука не повязал. Словом, аристократ, отдыхающий в тиши своего имения.

Своего имения.

Саймон молча протянул ей другой бокал.

Словно он хозяин, а я гостья, подумала вдруг Эмили.

– Сент-Клер-Холл был вашим загородным особняком? – Эмили взяла бокал обеими руками, вглядываясь в лицо Саймона. – Какое поразительное совпадение...

– Как раз для записи в вашем дневнике. – Он сделал хороший глоток.

Эмили прикусила нижнюю губу, не совсем уверенная, что понимает его настроение.

– Вы, наверное, еще мальчиком покинули этот дом?

– Мне было двенадцать.

– Почему же вы не сказали раньше, что особняк когда-то принадлежал вам?

Он пожал плечами:

– Сие обстоятельство не казалось мне особенно важным.

Эмили отпила бренди и снова нахмурилась. Она сердцем чувствовала подвох, но никак не могла понять, в чем именно... Ее воображение снова взяло верх.

– Очевидно, это странное совпадение – просто еще одно таинственное обстоятельство нашего рокового знакомства, милорд, – с решительным видом заявила Эмили после минутного замешательства.

Саймон бросил на нее пронизательный взгляд:

– Рокового, говорите? Признаюсь, я не так силен в терминах романтической литературы, как вы. Может, поясните?

Эмили отпила еще бренди и начала бесшумно вышагивать по ковру в своих шелковых туфельках.

– Я должна сказать, милорд, что у нас с вами нет надежды на счастливое развитие событий... И только по моей вине.

Он наблюдал за ней чуть прищурившись.

– Почему же?

Эмили так сильно стиснула бокал, что у нее побелели костяшки пальцев. Дойдя до конца комнаты, она развернулась и зашагала обратно к столу, не смея взглянуть графу в глаза.

Лучше быстро все сказать и покончить с этим раз и наве-

гда, решила она.

– Милорд, я признаюсь, что самым бесстыдным образом ввела вас в заблуждение, отчаянно флиртовала с вами. Я бессовестно увлекла вас и позволила надеяться, что с радостью приму ваше предложение.

В комнате повисла недолгая напряженная тишина. Затем Саймон холодно спросил:

– Так вы хотите отклонить мое предложение?

– Нет-нет, милорд. Совсем не то. – Она бросила на него страдальческий взгляд, повернулась и вновь двинулась в противоположный конец комнаты. – Уверяю вас, я сочла бы подобное предложение большой честью для себя. Очень большой. Но совесть не позволяет мне его принять...

– И как же вы намерены меня остановить? – спросил Саймон.

– Рассказав вам правду о себе. Правду, которую, как я полагала, вам уже давно должен был кто-то сообщить. – Эмили на мгновение задумалась. – В самом деле, я не понимаю, как это никто до сих пор даже не намекнул о той злосчастной истории. Но раз уж добропорядочным жителям Литл-Дипингтона удалось держать рот на замке, я должна признаться во всем сама.

– Признание действительно обещает быть интересным, раз его понадобилось сделать тайно и глубокой ночью...

Со стороны столика с графинчиком послышалось нежное позвякивание хрусталя. Эмили отважилась искоса взглянуть

туда: граф налил себе еще бренди. Она подумала, что один глоток ей бы тоже не помешал...

– Милорд, я постараюсь по возможности быть краткой, чтобы вы смогли, не теряя времени понапрасну, вернуться к своим делам. – Эмили глубоко вдохнула, собираясь с силами. – Ужасная правда состоит в том, что вам нельзя просить моей руки... по той простой причине, что я... погибла.

– Погибли? На мой взгляд, вы в добром здравии.

Эмили крепко зажмурилась, остановившись перед книжными полками в дальнем конце комнаты.

– Вы не поняли меня, милорд, – тихо произнесла она. – Я стараюсь объяснить вам, что в глазах общества я погибшая женщина. Короче говоря, мое прошлое омрачено грандиозным скандалом.

– Скандалом?

– Да, скандалом, в котором замешан мужчина... Скандалом столь ужасным, что, как заверила меня моя семья, ни один благородный человек – особенно если он, подобно вам, обязан блюсти свой высокий титул – не захочет жениться на мне.

Ну вот и все, обессилев, подумала Эмили. Сказано. Она ожидала бури, которая, конечно же, не замедлит разразиться. Граф Блэйд явно будет не в восторге от того, что по ее вине ему целую неделю пришлось разыгрывать столь глупую роль.

– А речь идет не о той глупости, которую вы совершили

девятнадцать лет? – вкрадчиво спросил Саймон.

От смущения Эмили бросило в жар.

– Так вы наслышаны о скандале, милорд?

– Уж поверьте мне, дорогая, я всегда стараюсь раздобыть как можно больше сведений, прежде чем приступлю к выполнению какого-нибудь замысла. Старинная привычка. Я приобрел ее за годы, прожитые на Востоке.

Она уставилась на него, не понимая, как он может так легко отнестись к ее словам.

– Милорд, это не пустяки. Это был тайный побег с возлюбленным. Вернее, я полагала, что с возлюбленным... Боюсь, я поддаюсь порыву страсти и поплатилась за свою глупость.

– Становится все интереснее.

– Черт подери, Блэйд, не шутите! Вы что, не понимаете? Я сбежала с мужчиной. Мой отец настиг нас, но... – она слегка откашлялась, – было слишком поздно.

– Слишком поздно? – Граф вскинул бровь с самым невозмутимым видом.

– Нам пришлось провести вместе ночь, – прошептала Эмили. Она не отводила взгляда от горящих глаз Саймона. – Отец разыскал нас лишь на следующее утро.

– Понятно. Но, Эмили, почему у меня складывается впечатление, будто вы не слишком сожалеете о том происшествии?

Девушка вновь зашагала по комнате.

– Поверьте, сейчас я очень сожалею. А тогда, признаюсь, это было самое волнующее событие в моей жизни. – Она потерянно вздохнула. – Но мой отец вскоре объяснил мне, что оно наверняка останется и единственным, потому что теперь ни один порядочный мужчина не возьмет меня замуж. Он привез меня домой и заявил, что другого выхода нет – я должна посвятить свою жизнь изучению игры на бирже и способам размещения капитала.

– И вам нравится вести дела?

– Да, порой. Представьте, здесь есть нечто привлекательное. – Эмили неопределенно махнула рукой. – Но теперь все это уже не важно... – Она вздохнула. – Милорд, я полагаю, после моих слов вы, разумеется, откажетесь от своих matrimониальных намерений.

– Я редко отказываюсь от своих намерений. У меня репутация человека, всегда и во всем идущего до конца. Спросите кого угодно в Лондоне.

– Ну, в данном случае вы вряд ли упрочите свою репутацию, – парировала она. – Люди вашего положения не женятся на женщинах, погибших для общества... Ну вот, милорд, я сделала свое признание, и, если вы не испытываете ко мне полного отвращения, мне хотелось бы сказать еще кое о чем.

– Уверяю, Эмили, я не собираюсь покидать вас и с большим интересом выслушаю все, что бы вы мне ни преподнесли...

– Ну что ж, хорошо. Вы, наверное, удивлены, почему на

наше тайное свидание я пришла в халате.

– Полагаю, вы мерзнете, а халат, несомненно, значительно теплее того совершенно очаровательного платья, в котором вы блистали на балу. Библиотека всегда была холодной комнатой.

Эмили застонала. Ее впервые посетила мысль, что есть вещи, в которых граф Блэйд не слишком-то сообразителен... По-прежнему уставившись на книжный шкаф, она заставила себя продолжить:

– На мне халат, потому что я собираюсь предложить вам вступить со мной в незаконные романтические отношения...

– Боюсь, я не совсем понимаю, дорогая моя. Мы с вами уже вступили в законные романтические отношения.

Она быстро обернулась, вскипая от раздражения.

– Я думала, вы человек свободных взглядов. Прошу вас, выслушайте меня внимательно. Поскольку брак между нами невозможен, а я безнадежно влюбилась в вас, я приняла решение предложить вам... *liaison*.

– *Liaison*? – Он опять вопросительно посмотрел на нее.

– Я предлагаю вам вступить в любовную связь, тупица вы этакий! – Эмили задохнулась от ужаса, поняв, что она посмела сказать. Ее глаза закрылись от стыда. Она вся вспыхнула. – Милорд, простите меня. Я вовсе не хотела называть вас тупицей. Боюсь, у меня расшалились нервы, и вообще, должна признаться, у меня несносный характер. Порой я с

ним не справляюсь.

– Да, вы, несомненно, очень горячая женщина, как недавно заметил Прендергаст.

– А вы мужчина, которого забавляют очень странные вещи. – Эмили поставила обратно свой бокал – она, пожалуй, выпила больше, чем нужно... – Ну? Что думаете о моем предложении?

Граф медленно выпрямился, отставил свой пустой бокал, подошел к Эмили и положил ей руки на плечи.

– Эмили, дорогая моя, поверьте, я глубоко польщен вашим очаровательным предложением.

У нее упало сердце.

– Но?..

– Но я думаю, что, поскольку вы создание очень трепетное и обладаете бурным темпераментом, будет лучше, если вы позволите мне руководить вами в подобных делах.

– Почему? – без обиняков спросила она. – Думаете, что вам в этом удастся сохранять то же хладнокровие, какое вы стараетесь проявлять во всем остальном?

– Те, кто хорошо меня знают, подтвердят: я умею сохранять хладнокровие во всем... Берегитесь, моя милая!

– Хитрец. Все это только видимость. Бесполезно убеждать меня, что вы хладнокровны, – я знаю правду. Не забывайте, я многое узнала о вас из ваших же писем, милорд.

– Думайте что угодно, дорогая моя. Тем не менее согласитесь, я, помимо всего прочего, старше вас и гораздо больше

повидал в жизни.

– Несомненно. Я-то всю жизнь проторчала в Литл-Дипингтоне.

– В таком случае вы должны признать преимущество моего жизненного опыта и позволить мне принимать решения относительно наших взаимоотношений.

– Я должна вам это позволить?

– Да, Эмили, должны – мягко произнес Саймон, наклонился и поцеловал ее в кончик носа. – Я убежден: вам лучше дожидаться свадьбы, прежде чем полностью отдаться очередному порыву необузданных чувств.

– В таком случае, милорд, – резко возразила она, – мне придется ждать целую вечность, поскольку у меня нет ни малейшего намерения выходить за Элиаса Прендергаста, а он, похоже, единственный, кто готов просить моей руки.

– Нет, дорогая, не единственный. Я тоже собираюсь просить вашей руки, как только ваш отец вернется в Литл-Дипингтон.

Эмили смотрела на него, ничего не понимая:

– Вы собираетесь просить моей руки? Но, милорд, теперь, когда вы знаете всю неприглядную правду...

– Думаю, – холодно сказал Саймон, – в дальнейшем мы не будем касаться этой части вашего прошлого.

– Не будем?

– Кажется, вы начинаете понимать. – Он скользнул губами по ее губам и отстранился, слегка улыбаясь.

Она поймала его большую руку в свои маленькие ладошки:

– Саймон, правда? Вы собираетесь сделать мне предложение, несмотря на тот ужасный скандал?

– Да, Эмили, да. Я полон решимости просить вашей руки. Она никак не могла в этой поверить.

– И вы не желаете вместо этого вступить со мной в незаконную романтическую связь?

– Конечно, нелегко отказывать женщине со столь горячими чувствами, как у вас, Эмили, но я намерен дожидаться брачной ночи...

– О-о!

Саймон тихо рассмеялся, встретив ее взгляд, полный горестного разочарования. Не сводя с нее глаз, он поднес ее руку к губам и поцеловал в запястье.

– Это вовсе не значит, моя радость, что мы не можем позволить себе откусить разок-другой от запретного плода.

Она просияла и обвила руками его шею.

– Это значит, что вы собираетесь меня поцеловать?

– Помимо всего прочего. – В глазах графа плескалось расплавленное золото. Он наклонил голову и прижался губами к нежной шее девушки.

– О, Саймон!

– Мне нравится, когда ты так произносишь мое имя. Очень нравится. И то, как ты дрожишь от моих прикосновений.

Он крепко обхватил ее за талию, приподнял высоко над собой и понес к старинному столу красного дерева, а она с радостным изумлением смотрела на него сверху вниз, упираясь руками в его плечи.

Усадив девушку на краешек стола, Саймон медленно развязал пояс ее халата. Так же медленно, не выпуская ее взгляда из плена своих глаз, он распахнул халат, приоткрыв вышитую муслиновую сорочку с высоким строгим воротничком.

Щеки Эмили покраснели. Несомненно, он заметил, как набухли ее соски под тонкой тканью. Она вдруг вспомнила, что она искушенная женщина и он ждет от нее некоторой умудренности в подобных вещах.

– Милорд, и это вы называете «целовать»? – спросила Эмили в легкомысленной, как она надеялась, манере.

– Нет, я называю это «вкусить от запретного плода». – Он улыбнулся и, склонившись над ней, накрыл ее губы своими. Его рука легла ей на грудь.

Эмили застыла от потрясения, а потом издала тихий стон. Ее руки плотнее обхватили его шею. Большой палец Саймона ласкал ее сосок, превращая его в тугий бутон желания. Его губы дурманяще задвигались на ее губах. Жар его приникшего тела мгновенно согрел девушку.

Взволнованная поцелуем Саймона, она не заметила, когда его руки скользнули вниз, – он приподнял край ночной сорочки, затем медленно и нежно развел ее колени, а потом по-

трясающе интимным движением дерзко шагнул между ними.

Глаза Эмили распахнулись.

– Милорд... Саймон, я...

– Тише, моя радость. – Произнес он, не отнимая губ от ее рта. Его пальцы обманчивослучайными движениями скользили по внутренней стороне ее бедер. – Ты такая мягкая. Словно теплый шелк.

Эмили инстинктивно попыталась сжать колени и наткнулась на его твердые мускулистые бедра. Она почувствовала грубую шероховатость ткани его бриджей на своей обнаженной коже – ощущение, от которого по всему телу разлилось тревожное возбуждение.

– Закрой глаза и не думай о том, что я делаю, – мягко приказал Саймон.

Его рука приблизилась к самому сокровенному местечку. Она закрыла глаза, ловя губами воздух.

– Поцелуй меня, Эмили. – Низким и хриплым голосом произнес граф.

Вдруг Эмили осознала, что все свое внимание сосредоточила на движениях его рук. От нее явно ждали ответа на поцелуй.

Боясь разочаровать Саймона, она обхватила его лицо ладонями и жадно прижалась губами к его губам – так старательно, что даже стукнулась зубами о его зубы.

– Уже лучше, моя радость. – Ободряюще пробормотал

он. – Только расслабься немного. Открой рот.

Вздвогнув, Эмили подчинилась. Язык Саймона скользнул глубоко между ее губами, и одновременно его пальцы отыскивали пульсирующую теплоту ее лона.

Эмили замерла. Она попыталась было что-то сказать, но не смогла. Попыталась сделать глубокий вдох и это ей тоже не удалось. Попыталась сообразить, как ответила бы на ласки умудренная опытом женщина, и опять ничего не получилось. Она была переполнена происходящим. В глазах все поплыло.

Саймон, казалось, и не ждал от нее ничего, кроме той легкой дрожи, что охватила ее с головы до ног. Его губы не отрывались от рта Эмили, а пальцы гладили с потрясающей нежностью.

Эмили чувствовала, как там, внизу, разливалось тепло и напряжение, и она начала забывать о странности происходящего. Ее пальцы яростно впились в мягкую ткань рубашки графа.

– Саймон! – выдохнула она, оторвавшись на мгновение от его губ и глядя на него снизу вверх огромными вопрошающими глазами.

– Обними меня крепче, эльф, – мягко велел он. – Обещаю тебе, все будет хорошо. Вспомни, что говорят поэты. Нужно открыться миру чувственных переживаний, если желаешь познать природу метафизического мира. Откройся же, Эмили. Доверься мне.

Совершенно растерявшись, чувствуя себя плывущей в море по волнам странных незнакомых ощущений, Эмили подчинилась: закрыла глаза и сильнее прижалась к Саймону.

Его пальцы стали теперь чуть влажными и ласкали лепестки ее лона. А потом эти ласковые осторожные пальцы отыскивали особое местечко. Эмили беспомощно выгнулась от пронзившего ее желания!.. Она отчаянно нуждалась в чем-то, но не знала, в чем именно... В конце концов, решив, что это прикосновения Саймона, она инстинктивно раздвинула ноги шире, молча умоляя о еще более сильных, ошеломляющих ощущениях.

– Да. – Саймон осыпал поцелуями ее лицо, и Эмили снова ощутила на себе его руки. – Да, моя радость. Ну же, Эмили. Покажи мне, какая ты страстная... – Его палец скользнул меж лепестков в ее жаркое нежное лоно.

Эмили задохнулась. Ее рот приоткрылся в страстном сто-не, и все ее тело содрогнулось. Губы Саймона прижались к ее губам, заглушая тихий вскрик облегчения.

Несколько мгновений Эмили чувствовала себя парящей в высоте, которая могла быть только истинным метафизическим миром, а потом мягким клубочком медленно упала на грудь Саймону и опьяненно пробормотала ему в плечо:

– Черт подери!

В ответ на свое столь страстное восклицание Эмили услышала не то смешок, не то стон – она не разобрала, что именно.

– О, Эмили! Ты действительно страстная. – Он медленно и нежно привел ее одежду в порядок.

Эмили подняла голову с его плеча. Она все еще чувствовала себя опьяненной и почему-то с трудом различала его лицо, пока наконец не поняла: в какой-то миг он снял с нее очки.

– Ах, Саймон!

– Ах, Эмили! – Он поцеловал ее в кончик носа и с церемонной услужливостью подал ей очки.

Нацепив их, она увидела, что на лице Блэйда застыла мягкая и непроницаемая улыбка. Но глаза его, полуприкрытые веками, горели золотым огнем. Никогда еще он не выглядел таким опасным и привлекательным. Эмили опустила взгляд вниз и заметила выпуклость под его бровями.

– Саймон? Огонь в его глазах потух, когда он не без сожаления понимающе проследил за ее взглядом.

– Не беспокойтесь, Эмили. Со мной все будет в порядке. Но во избежание дальнейших уступок восхитительному искушению, которое вы сегодня предлагали, мне лучше уйти. Долгая прогулка по холодному ночному воздуху лучшее лекарство в моей сложной ситуации. – Он отошел от нее и взял пальто.

– Скоро ли я увижу Вас снова? – Ей отчаянно не хотелось, чтобы он уходил.

– Если не ошибаюсь, я и ваши подруги из литературного общества приглашены завтра на чай в Сент-Клер-Холл. С

нетерпением жду этой встречи.

Эмили широко улыбнулась и спрыгнула со стола. Чуть пошатнувшись, она ухватилась за его край, но когда поняла, что чувствует себя необыкновенно хорошо, несмотря на несколько смущавшее ощущение влаги между ног, глаза ее наполнились смехом.

– Да, в самом деле. Завтра за чаем. Милорд, раз уж вы сегодня вечером не намерены больше вкушать запретного плода, не окажете ли вы мне одну очень большую любезность?

Уже одетый в пальто с пелериной, он с выжидательным интересом взглянул на нее.

– И какую же?

– Не объясните ли вы мне, как открывается потайной ход?

Граф только усмехнулся:

– Подозреваю, возможность узнать тайну этого хода волнует вас ничуть не меньше, чем возможность провести ночь в незаконной романтической страсти.

Эмили испугалась, что обидела Блэйда. Она успокаивающе дотронулась до его руки:

– Просто меня очень волнуют такие вещи, как потайной ход, милорд. И я так хотела бы использовать его в своей поэме «Таинственная леди». По-моему, это замечательно впишется в сюжет.

– Разве я посмею встать на пути вашей музыки? – Саймон взял ее за руку и подвел к книжному шкафу.

Глава 5

Эмили сосредоточенно нахмурилась, читая письмо поверенного ее отца, мистера Давенпорта.

«Дорогая мисс Фарингдон!

Настоящим сообщаю Вам, что выполнил Ваше распоряжение о продаже акций Южной морской компании и индийских облигаций. Вам будет приятно узнать: конечная цена и того и другого оказалась весьма удовлетворительной.

Не будете ли Вы так любезны сообщить мне Ваше решение о капиталовложениях в горнодобывающую промышленность, упомянутых Вами в прошлом письме.

Ваш покорный слуга

Б. Давенпорт».

Эмили удовлетворенно улыбнулась и набросала записку, в которой Давенпорту рекомендовалось приступить к вложениям в строительство нортумберлендских шахт. Закончив, она протянула руку и дернула шнурок колокольчика, висевший у стола. Дворецкий появился почти мгновенно.

– А, Дакетт, вот и вы! – лучезарно улыбнулась Эмили. – Сообщите, пожалуйста, всем остальным, что акции Южной морской компании и индийские облигации принесли свои плоды. Вложенные вами деньги дали солидную прибыль, и

ваши акции проданы в понедельник. Деньги в банке.

Суровые черты лица Дакетта осветила улыбка.

– Все очень обрадуются, мисс Фарингдон. Позвольте выразить вам нашу самую глубокую благодарность. Вы не представляете себе, какое облегчение – получить надежное финансовое положение в старости... – Он немного поколебался. – В сложившихся обстоятельствах...

Эмили сморщила носик.

– Мы знаем друг друга много лет, Дакетт. И можем быть откровенны друг с другом. Я прекрасно понимаю: если люди в нашем доме будут полагаться на то, что мой отец не забудет отложить кое-что для их пенсий, то все вы рискуете к старости умереть с голоду.

– Довольно резко, но недалеко от истины. – Дакетт позволил себе едва заметную улыбку. – В любом случае мы чрезвычайно благодарны вам за советы и помощь в размещении наших сбережений, мисс Фарингдон.

– Это я вам чрезвычайно благодарна, Дакетт, – очень серьезно произнесла Эмили. – Вы все так трогательно обо мне заботились. Не знаю, что бы я без вас делала. Мне было бы так одиноко, поверьте.

– Спасибо, мисс Фарингдон, – тепло отозвался дворецкий. – Мы стараемся.

Она улыбнулась:

– И весьма успешно. Да, и еще одно, Дакетт, пока вы не ушли.

– Слушаю, мисс.

Эмили помолчала, подыскивая слова. Ей очень не хотелось кого-нибудь обидеть.

– Нет ли у миссис Хикинботем каких-либо... э-э... вопросов по поводу сегодняшнего чая?

Дакетт ободряюще посмотрел на нее:

– Совершенно никаких, мисс Фарингдон. Могу вас заверить: на предыдущем месте работы миссис Хикинботем тоже устраивала чаепития, так что у нее весьма богатый опыт.

Эмили сразу смутилась, что своим вопросом поставила под сомнение деловые качества домоправительницы.

– Конечно-конечно. Я просто немного волнуюсь. Мы так редко принимаем гостей здесь, в Сент-Клер-Холле. И еще ни разу к нам на чай не приходил граф.

– Если я не ошибаюсь, миссис Хикинботем как-то упомянула, что несколько лет назад ей довелось заниматься подготовкой чая для маркизы.

– Замечательно. – Эмили с облегчением признала необоснованность своих опасений. – Спасибо, Дакетт.

– Всегда к вашим услугам, мисс Фарингдон. Уверяю вас, сегодня все пройдет гладко.

– Вы, несомненно, правы. Только вот еще что: не попросите ли вы миссис Хикинботем посмотреть, остался ли у нас чай сорта «Лапсанг»? Если да, мне бы хотелось, чтобы она заварила его вместо «Конгоу».

– «Лапсанг»? Я обязательно спрошу.

– Благодарю вас. Понимаете, это для графа. Он почему-то назвал своего коня Лапсангом, так что я полагаю, что предпочитает именно этот сорт китайского чая.

– Коня? – слегка озадаченно спросил Дакетт, но тут же овладел собой. – Понимаю. Я немедленно переговорю с миссис Хикинботем, мисс Фарингдон. – И дворецкий бесшумно покинул библиотеку.

Эмили, глядя, как закрывается дверь, подумала, что надо бы не забыть как-нибудь поинтересоваться у Саймона, почему он назвал своего гнедого Лапсангом. У нее еще столько вопросов к нему...

Так много увлекательных тем для будущих бесед ждут своего часа! Как замечательно выйти замуж за человека, с которым у них общие интеллектуальные интересы, с которым она может общаться на высшем, трансцендентальном уровне, за человека с такой утонченностью чувств!

Конечно, их общение на более земном, физическом уровне тоже очень привлекательно. Эмили почувствовала, как ее обдало жаром, хотя огонь в камине не горел.

Она мечтательно посмотрела в окно. Никогда еще в своей жизни она не испытывала ничего похожего на то всепоглощающее чувство полного расслабления, которое испытала вчера ночью здесь, в библиотеке. Оно позволило ей совсем по-новому увидеть некоторые отрывки из книг ее любимых поэтов. Оно дало ей совершенно новое понимание выражения «вершина наслаждения».

Легкая дрожь чистого, ничем не омраченного счастья пронизала ее. Все это невероятно. Почти недоступно пониманию.

Она не привыкла к везению в чем-либо еще, кроме финансовых дел.

– Черт подери! – вслух прошептала Эмили. И тут же осеклась. Пора бы прекратить выражаться в столь неподобающей для леди манере. Она скоро станет графиней, а графини, по твердому убеждению Эмили, так не выражаются.

Она надеялась, что высокие и благородные принципы Саймона не вынудят его настаивать на длительном сроке помолвки. В обществе не редкость помолвки сроком на целый год. Как правило, возникает множество досадных мелочей, которые приходится обсуждать, тех мелочей, которые называются дурацким словом «соглашение». Эмили казалось, что ей просто не вынести целый год ожидания.

Она неохотно заставила себя вернуться к письмам, журналам и уведомлениям, горой возвышавшимся на столе. Меньше всего в это утро ей хотелось работать над распределением финансовых потоков. Но при той скорости, с какой мужская часть семьи Фарингдон тратила деньги, было необходимо уделять постоянное внимание экономическим вопросам. Мать частенько объясняла Эмили, что кто-то должен присматривать за папой и близнецами. После смерти матери Эмили поняла, какая миссия легла на ее хрупкие плечи.

Без всякого энтузиазма Эмили придвинула поближе

«Журнал для джентльменов» и раскрыла его на ежемесячной сводке о ценах на бирже. Она просмотрела ежедневные колебания цен на акции каналов, на индийские акции, на банковские облигации и фонды и сделала несколько быстрых пометок, прежде чем перевернуть страницу.

Затем она провела кончиком пальца по сводке последних цен на пшеницу, рожь, овес и бобы в центральных графствах и сравнила их с ценами в графствах побережья. И вновь взялась за перо и набросала пару-другую замечаний. Потом проверила средние цены на муку, сахар, сено и солому за последний месяц, стараясь понять общую тенденцию.

Выписав последние цены на товары, Эмили обратилась к ежемесячной метеорологической таблице. В нее она заглянула лишь на минутку. Пока на дворе зима, ежедневная температура и количество осадков не так важны, как летом и весной. Через пару месяцев она начнет пристально их изучать, стараясь предугадать виды на урожай.

Наконец, выудив все, что нужно, из «Журнала для джентльменов», она обратилась к деловой переписке.

У сэра Альфреда Чамли имелись сведения о новом угледобывающем предприятии, а некая миссис Мидл тон осведомлялась в письме, не проявит ли Эмили интерес к кораблю, отбывающему вскоре в Ост-Индию. Предполагалось, что по возвращении он даст хорошую прибыль, как это было и в прошлый раз.

Миссис Хикинботем нашла «Лапсанг».

Эмили с беспокойством наблюдала, как Саймон сделал первый глоток экзотического дымящегося напитка. Когда он улыбнулся ей поверх чашки и они обменялись понимающим взглядом, ей даже захотелось заключить миссис Хикинботем в объятия. Глаза домоправительницы вспыхнули от удовольствия, но выражение ее лица оставалось подобающе бесстрастным, и она, сделав реверанс, удалилась, оставив участников литературного собрания за беседой.

Эмили трижды меняла решение, какое платье ей надеть, пока Лиззи не уговорила ее выбрать муслиновое с воланами и круглым плотным воротничком. Платье было бледно-золотистого цвета в тонкую белую полосу, и Лиззи клялась, что оно очень удачно оттеняет цвет волос Эмили. Правда, та была не совсем уверена, следует ли оттенять рыжие волосы, но Лиззи развеяла ее опасения.

Леди из литературного общества приехали, преисполненные самых радужных надежд. За эти дни они привыкли к присутствию графа, и его внимание к Эмили не осталось незамеченным. Почтенные леди пребывали в тайном восторге от возвышенных нежных отношений, расцветающих у них на глазах, и теперь сердечно приветствовали Саймона.

Как всегда, расположившись среди них, он был похож на мрачного золотоглазого зверя, окруженного стайкой жизнерадостно щебечущих птиц. Саймон, казалось, не замечал контраста. Но впрочем, как Эмили уже знала, граф почти всегда сохранял невозмутимость.

В целом все, включая угощение и беседу, протекало настолько естественно и свободно, что Эмили начала подозревать в себе доселе скрытый талант к приему гостей. Пожалуй, стоит делать это почаще, решила она, радуясь, что разговор принимает все более оживленный характер.

– А как ваша поэма, Эмили? – спросила мисс Брейсгердл после завершения жарких споров о достоинствах лекций Сэмюэла Кольриджа о Шекспире.

Естественно, лекции эти никто из присутствующих не посещал, но они публиковались во многих изданиях, и общее заключение было таково, что эти беседы оказались не столь высокого уровня, какого можно было бы ожидать от именитого философа.

– Я работаю над дополнительными строфами, где описывается новое приключение, – объявила Эмили. Она взглянула на Саймона, и ее щеки чуть порозовели. – Меня посетила чудесная мысль о сцене в потайном ходе.

– Как замечательно! – Мисс Остли, более других увлекавшаяся романами «Минерва Пресс», была явно заинтригована. – И наверное, с привидением? Меня просто завораживают привидения.

Эмили, приподняв брови над стеклами очков, раздумывая о возможности появления призрака в «Таинственной леди»:

– Привидение – отличный образ для приключенческой или любовной истории. Но вот рифму к нему подобрать нелегко. Так и напрашивается «провидение» или «заблуж-

дение».

– Или «объединение», – предложил Саймон.

Мисс Хорнсби, уже угостившаяся вместо чая рюмочкой шерри, хихикнула. Лавиния Инглбрайт метнула на нее уничижающий взгляд. Она уже открыла было рот, собираясь предложить другую рифму, но ее прервал шум колес экипажа и топот лошадиных копыт по подъездной дорожке. Она изумленно посмотрела на Эмили:

– По-моему, к вам кто-то пожаловал.

Эмили застыла на месте, ее взгляд устремился на невозмутимое лицо Саймона. К ней почти никогда никто не приезжал, и все в гостиной это знали.

– Без сомнения, вернулись отец и братья. – Значит, письмо Элиаса Прендергаста все-таки достигло Лондона, и он добился своего. – Я не ждала их.

Не сейчас. Не так скоро.

Но Саймон, который, по-видимому, прекрасно понял, о чем она думает, лишь улыбнулся и отпил из чашки дымящегося «Лапсанга».

Топот сапог по коридору, гудение нетерпеливых мужских голосов, еще мгновение – и дверь в гостиную широко распахнулась.

Три прекрасных представителя мужской половины семейства Фарингдон ворвались в гостиную, словно три золотистых смерча. Высокие, красивые, облаченные в наимоденейшие костюмы для верховой езды, с легкой эффектной

небрежностью в одежде и прическах – после путешествия. Близнецы Девлин и Чарлз быстро оглядели почтенное собрание в поисках хорошенького женского личика и, видимо, не найдя ничего по вкусу, удивленно воззрились на Саймона.

Бродерик Фарингдон, отец Эмили, подрастерял часть своей некогда роскошной шевелюры, а та, что осталась, из золотой стала серебряной. Но ему еще удавалось сохранять ту особую изысканность, какой отличались его сыновья. Орлиный нос и голубые глаза в сочетании с амплуа беззаботного повесы по-прежнему привлекали женщин.

– Добрый день, леди!

Пока леди торопливо бормотали ответные приветствия, Бродерик Фарингдон небрежным кивком поздоровался с Саймоном.

Эмили ощутила, как в комнате воцарился холод. Что-то было не так. Она инстинктивно чувствовала, что здесь не просто недовольство отца, рассерженного неподходящим поклонником дочери... Ее глаза вопрошающе устремились на Саймона.

Но дракон ответил на приветствие таким же кивком и вновь отхлебнул чаю.

– Папа! – Эмили встала с кресла. – Ты меня не предупредил о своем приезде.

– Я не предупредил, потому что рассчитывал оказаться здесь раньше почты. Мой новый жеребец обскочет любое четвероногое. Вы не хотите подойти и встретить своего отца

как положено, мисс?

Эмили послушно приблизилась и, как того требовали правила, поцеловала его в щеку. Но тотчас отступила, сердито прищурившись. Теперь, когда прошло первое потрясение, она ужасно разозлилась: ее чаепитие так бесцеремонно прервали!

– Право же, папа, тебе следовало меня уведомить.

– Это мой дом, девочка. Почему я должен уведомлять о своем визите, словно я здесь гость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.